

РОМАН ПЕРЕВЕДЕН БОЛЕЕ ЧЕМ НА 40 ЯЗЫКОВ МИРА

ДЖЕЙМС
РОЛЛИНС

ПЕКЛО

Отряд «Сигма»

Джеймс Роллинс

Пекло

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Сое)-44

Роллинс Д.

Пекло / Д. Роллинс — «Эксмо», 2019 — (Отряд «Сигма»)

Однажды под Рождество командер спецотряда «Сигма» Грей Пирс возвратился домой – и с ужасом понял, что в его отсутствие к нему навевались незваные гости. И что Сейхан, любовь всей жизни Грея, беременная его ребенком, похищена. Ее лучшая подруга Кэт лежала без признаков жизни на окровавленном полу. Врачи на базе «Сигмы» установили, что женщина находится в коме, но мозг ее работает. Именно из него с помощью высочайших технологий удалось вытащить ниточку, ведущую к нападавшим. Но никто не ожидал, что эта ниточка заведет «Сигму» очень, очень далеко – аж во времена Святой инквизиции и охоты на ведьм...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Сое)-44

© Роллинс Д., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Благодарности	6
Историческая справка	7
Научная справка	8
Часть первая	24
Глава 1	24
Глава 2	31
Глава 3	39
Глава 4	49
Глава 5	52
Часть вторая	64
Глава 6	64
Глава 7	68
Глава 8	79
Глава 9	82
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Джеймс Роллинс

Пекло

© 2019 by James Czajkowski

© Бельшева О., Холмогорова Н., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2019

* * *

Чаку и Синди Блат за многолетнюю дружбу, наставничество и, самое главное, неугасимое благородство духа

То, что будет создано, станет настоящим Богом. Он не мечет молнии и не создает смертоносные ураганы. Но разве можно назвать его иначе, если он в миллиард раз умнее человека?.. Отныне можно будет буквально поговорить с Господом и знать, что он вас слушает.

Энтони Левандовски, экс-сотрудник компании «Гугл» и основатель религиозного течения «Путь в будущее», в основе которого лежит поклонение искусственному интеллекту (цитата из интервью Марку Харрису, журнал «Wired», 15 ноября 2017, статья «Первая церковь искусственного интеллекта»)

Играя с искусственным интеллектом, мы вызываем дьявола.
Илон Маск, выступление на Столетнем симпозиуме по авиации и астронавтике в Массачусетском технологическом институте, 2014 г.

Благодарности

Похоже, ни одно доброе дело не остается безнаказанным. Много лет назад, задолго до своей первой публикации, еще работая ветеринаром, я примкнул к группе литературных критиков. На протяжении всей моей карьеры они оставались рядом со мной, предлагали отличные редакторские рекомендации – от проработки сюжетных линий до анализа персонажей, и – да! – правили множество моих ошибок, которыми изобиловали страницы первых черновиков.

Этот роман не стал исключением. Итак, прежде всего, позвольте поблагодарить сплоченную компанию первых читателей-критиков: Дейва Мика, Криса Кроу, Ли Гарретта, Мэтта Бишопа, Джейн О’Риву, Мэтта Орра, Леонарда Литтла, Джуди Прей, Кэролайн Уильямс, Тода Тодда, Фрэнка Баррера и Эмми Роджерс. И, как всегда, отдельное спасибо Стиву Прею за отличные географические карты... И Дэвиду Сильвиану за то, что я хорошо выгляжу в цифровой вселенной (и за ее пределами)... И Шери Маккартер за многочисленные важные исторические и научные факты, приведенные на этих страницах. И, конечно же, большая благодарность всем сотрудникам издательства «Харпер Коллинз» за постоянную поддержку, особенно Лиат Стелик, Линн Грейди, Даниэль Бартлетт, Кейтлин Харри, Джошу Марвеллу, Ричарду Аквану и Ане Марии Аллесси.

Также не могу отказаться от особого приветствия в адрес Брайана Грогана, который был со мной в «Харпер Коллинз» с самого начала моей карьеры и придумал этой книге название. Наконец, выражаю благодарность людям на всех уровнях книгоиздательства: моему уважаемому редактору, с которым мы работаем со времен выхода моей первой книги, Лиссе Кеуш и ее трудолюбивой коллеге Приянке Кришнан. А также за тяжелый труд моим агентам Расу Галену и Дэнни Барору (и его дочери Хизер Барор). Как всегда, должен подчеркнуть, что вину за любые фактические ошибки и несостыковки в данной книге, которых, надеюсь, не много, целиком беру на себя.

Историческая справка

*Я не верю в ведьм, но они существуют.
Древняя галисийская поговорка*

С февраля 1692 года по май 1693 года двадцать человек в колониальном Массачусетсе – четырнадцать из которых женщины – были приговорены к смертной казни по обвинению в колдовстве. Печально известные процессы над салемскими ведьмами оставили неизгладимый след в истории – последний приступ истерической охоты на ведьм, охватившей всю Европу. Там преследования продолжались около трех веков, за которые были сожжены, повешены или утоплены в общей сложности более шестидесяти тысяч ведьм.

Волна кровопролитий и смертей началась довольно внезапно в XV веке с публикации одного трактата – настольной книги «охотника на ведьм» под названием «Молот ведьм». Написанная немецким католическим священником Генрихом Крамером (он же Генрикус Инстигатор) в 1487 году, она получила одобрение со стороны руководства Кельнского университета и главы католической церкви папы Иннокентия VIII. Благодаря изобретению печатного станка, множество экземпляров книги распространились по всей Европе и дошли до Америки. Она стала своеобразной «библией» для инквизиторов, с инструкциями, как распознавать, пытаться и судить ведьм, с акцентом на том, что ересь распространяется именно среди женщин. Многие ученые считают данный труд одним из самых жестоких в истории, даже по сравнению с «Майн кампф»¹.

Тем не менее до этой публикации отношения между колдуньями и христианским миром были не такими однозначными, как может показаться.

Изначально ведьмы не подвергались столь свирепому преследованию. В Ветхом Завете царь Саул искал Аэндорскую волшебницу, чтобы воскресить дух покойного пророка Самуила. А в Средневековье ведуньи считались образованными целительницами, которые, следуя древним традициям, собирали лечебные травы. Даже во времена кровавой испанской инквизиции охотились и пытали еретиков, а не ведьм.

Доказательством размытия границ влияния колдунов и католической церкви является культ святой Колумбы из Санса, что процветал в средневековой Испании, главным образом, в северном регионе Галисии, считавшемся оплотом ведьм. По преданию, Колумба была ведуньей, жила в IX веке и однажды на дороге повстречалась с духом Христа. Он сказал ей, что она не сможет попасть в Царство Божие, пока не обратится в христианство. Крещение она приняла, однако осталась ведьмой и впоследствии была предана мученической смерти – обезглавливанию.

На сегодняшний день ее почитают как заступницу тех, кто использует чары в благих целях, но при этом наказывает черных магов.

И сейчас настал хороший момент, чтобы поставить свечу святой Колумбе, поскольку мы готовимся войти в новую эру колдовства.

¹ Автобиографическая книга А. Гитлера. – Здесь и далее прим. пер.

Научная справка

Любая продвинутая технология неотличима от магии.
Артур Кларк, 1962, отрывок из эссе «Риск пророчества: фиаско воображения»

Давайте поговорим о конце рода человеческого, тем более что вскоре, вероятно, на эту тему размышлять будет уже некому. На горизонте маячит угроза, которая может коснуться нас в недалеком будущем. Всемирно известный Стивен Хокинг описал надвигающийся кризис как «самое страшное событие в истории цивилизации».

По мнению Илона Маска, оно приведет к Третьей мировой войне. А президент России Владимир Путин заявил, что тот, кто сумеет взять это событие под контроль, будет управлять миром.

Речь идет о создании первого искусственного интеллекта (ИИ), подобного человеческому.

Данное обстоятельство приводит в ужас власть имущих. В феврале 2018 года за закрытыми дверями состоялось тайное собрание глав государств для обсуждения ИИ. В совещании принимали участие представители Ай-би-эм, «Майкрософт», «Фейсбук» и «Амазон», а также официальные лица из Европы, России, Сингапура, Австралии, арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки. Присутствующие пришли к единогласному мнению, что само существование человечества под угрозой, причем, что хуже всего, никакие регламенты и международные соглашения не сумеют сдержать неизбежное развитие технологий искусственного интеллекта, обладающего самосознанием. Все способы противодействия были признаны «неэффективными», поскольку, как показала история, любые запреты могут легко обойти подпольные компании и организации, действующие тайно в самых отдаленных уголках мира.

Насколько далек момент появления нового вида интеллекта на нашей планете?

В жизни человека уже присутствуют различные формы ИИ: в компьютерах, телефонах, даже бытовой технике. Около 70 % общего объема покупок и продаж на Уолл-стрит осуществляются без участия человека, а транзакции проводятся менее чем за три миллисекунды. Искусственный интеллект так прочно внедрился в нашу жизнь, что большинство перестали его замечать. Однако следующая ступень эволюции приближается со стремительной скоростью: компьютер вскоре продемонстрирует наличие разума, близкого к человеческому.

Согласно недавнему опросу, 42 % специалистов по вычислительной технике считают, что его создание состоится в ближайшее десятилетие, а по мнению половины из них – в течение пяти лет.

Но почему данное событие расценивается как кризис и «самое страшное событие в истории цивилизации»? Потому что первый ИИ будет не бездельничать, а напротив, окажется очень загруженным. Довольно быстро – за недели, дни, а может, и часы – он разовьется в *суперинтеллект*, превосходящий человеческий. И нельзя предсказать, станет он всемогущим богом или хладнокровным безжалостным дьяволом.

Как бы то ни было, появление этого существа грядет. Причем неизбежно. Кто-то даже полагает, что оно уже существует. Потому я обязан предупредить: *глубокое погружение в данный роман сродни проклятию*. Всего лишь прочитав его, вы можете необратимо навредить себе.

Так что продолжайте на свой страх и риск.

23 июня, 1611 год нашей эры

Сугаррамурди, Испания

За прутьями железной решетки, стоя на коленях, колдун молился Господу.

Алонсо де Салазар Фриас задумчиво наблюдал за этим необычным зрелищем. Инквизитор едва мог разглядеть узника – единственным источником неверного света служили трепещущие огни с деревенской площади неподалеку. В маленькое окно врывал запах горелой плоти, на каменных стенах плясали отблески жуткого зарева.

Он слушал, как колдун шепчет на латыни, рассматривал его сложенные руки и склоненную голову. Молитва была знакомой: «Душа Христова», сочиненная Игнатием де Лойолой, основателем Общества Иисуса². Подходящая молитва, поскольку заключенный являлся последователем того же ордена – иезуитским священником.

Алонсо про себя перевел последнюю строчку: «В час смерти моей призови меня и повели мне прийти к Тебе, дабы со святыми Твоими восхвалять Тебя во веки веков».

– Аминь, – проговорил он вслух, привлекая внимание колдуна.

Мужчина поднялся с колен. Лет сорока семи – значит, не старше Алонсо. Ряса болтается на тощих плечах, впалые щеки покрыты язвами. Тюремщики обрили его, и на коже черепа осталось несколько покрытых струпьями участков.

В душе инквизитора шевельнулось чувство жалости к страдальцу, хоть он и знал, что духовное лицо, находящееся сейчас перед ним, обвиняется в ереси и колдовстве. Алонсо приехал в эту крошечную баскскую³ деревню по личному распоряжению Великого инквизитора для проведения допросов. За неделю он пересек Пиренеи и прибыл в маленькое крестьянское поселение на границе с Францией.

Священник доковылял до решетки и схватился за прутья костлявыми пальцами, дрожащими от слабости.

«Когда его кормили?»

Впрочем, речь иезуита была тверда.

– Я не колдун.

– Я здесь именно для того, чтобы разобраться в этом, отец Ибарра. Ознакомился с обвинениями против вас. Колдовство, изготовление оберегов и амулетов для исцеления больных.

Священник пару раз вздохнул и заговорил:

– А я знаю о вас, инквизитор Фриас. И о вашей репутации. Вы участвовали в суде над ведьмами в Логроньо позапрошлым летом.

Алонсо внутренне вздрогнул от стыда – и тут же постарался скрыть это, отведя взгляд. Однако никуда не спрятаться от отблесков огня и вони обожженных тел. Слишком живы они в его памяти. Во время тех процессов, проходивших в близлежащем городке Логроньо, он был судьей наряду с еще двумя инквизиторами. Его грызла вина за то решение. Там состоялось крупнейшее судилище над ведьмами. Обвинение женщины по имени Мария де Химильдеги спровоцировало всеобщую панику и истерию. Она призналась, что присутствовала на шабаше, и назвала других его участников, что усугубило ситуацию. В конце концов объявили, что к связям с дьяволом причастны триста человек. Многие из них были совсем детьми, самым младшим – по четыре года. К моменту приезда Алонсо в Логроньо два инквизитора сузили круг обвиняемых до тридцати. Признавших вину наказали, но из милосердия избавили от сожжения. Двенадцать строптивцев отказались и были преданы огню.

Алонсо нес в душе груз вины за их гибель. Не потому, что не сумел выбить признание в колдовстве, а оттого, что верил в их невиновность.

Впоследствии он высказал свои убеждения, рискуя лишиться расположения Бернардо де Сандоваль-и-Рохаса, главы инквизиции, дружбой с которым очень дорожил. Жестокий и кровавый век правления Великого инквизитора Томаса де Торквемады остался в прошлом. Нынешний глава инквизиции поручил Алонсо провести расследование в баскском регионе Испании, дабы выяснить истинное положение дел и уровень истерии. Около двух месяцев проездил Фриас, опрашивая обвиненных и узников. И выяснил, что во всех случаях признания выбивались пытками, а показания изобиловали противоречиями и несоответствиями. Лишь один раз он столкнулся с доказанным применением колдовства.

² Иезуитский орден, также орден Св. Игнатия, мужской духовный Римско-католической церкви.

³ Страна басков – автономное сообщество на севере Испании.

В своей личной борьбе за спасение душ обвиняемых в этих преступлениях Алонсо имел единственное оружие. Он похлопал по кожаной сумке, висевшей на плече.

– Отец Ибарра, у меня с собой «Эдикт веры», подписанный Великим инквизитором. Он позволяет мне даровать прощение каждому, кто признается в своих преступлениях, поклянется в вере в Господа и отречется от дьявола.

В темноте глаза священника загорелись гордостью.

– В последнем клянусь безо всяких сомнений! Но, повторяю, я не колдун и не смогу в этом признаться.

– Даже ради сохранения собственной жизни?

Ибарра повернулся к нему спиной и посмотрел на узкое окошко, в котором виднелось зарево огня.

– Вы приехали, чтобы услышать, как они кричат?

На сей раз инквизитор не сумел скрыть дрожь. Недавно, во время горного спуска, он заметил клубы дыма над деревней. Взмолившись, чтобы костры запалили в честь празднования летнего солнцестояния, Алонсо с дурными предчувствиями пришпорил коня. Он мчался навстречу заходящему солнцу и, достигнув окрестностей деревни, был встречен хором воплей.

Сожгли шесть ведьм.

«Не ведьм – женщин», – напомнил он себе.

К несчастью, Алонсо оказался не первым инквизитором, приехавшим в поселение. Он подозревал, что отцу Ибарре пока что сохранили жизнь только благодаря его сану священника.

Алонсо смотрел в спину узника.

Если мне под силу спасти его, да будет так.

– Отец Ибарра, прошу, признайся...

– Что вам известно о святой Колумбе?

Ошеломленный странным вопросом, инквизитор ответил не сразу. В университетах Саламанки и Сигуэнсы он изучал каноническое право в области посвящения в сан и отлично знал именованное всех святых. Однако имя, произнесенное отцом Ибаррой, к этому списку имело весьма спорное отношение.

– Ты говоришь о ведьме из Галисии, – произнес Алонсо, – которой во время паломничества в Рим повстречался дух Христа.

– Иисус повелел ей принять христианство, если она желает попасть в рай.

– И она приняла. И была предана мученической смерти: обезглавлена за отказ предать свою веру.

Ибарра кивнул.

– Присоединившись к церкви, она не бросила колдовство. Крестьяне до сих пор почитают ее и как ведьму, и как святую мученицу. Молятся ей о защите от злых чар. И просят уберечь от преследования добрых ведуний, разбирающихся в целебных травах, амулетах и ворожбе.

Путешествуя по северу Испании, Алонсо не раз слышал о культе святой Колумбы. Он знал многих женщин – причем, образованных, – которые изучали природу, искали лекарства, травы и тянулись к языческим знаниям. Каких-то из них обвинили в колдовстве и сожгли. А некоторые нашли прибежище в монастырях и обителях, где они, как и святая Колумба, могли молиться Христу и при этом тайком выращивать травы и помогать больным и обездоленным, стирая грань между язычеством и христианством.

Неужто заключенный священник имел какое-то отношение к подобному культу?

– Вас обвиняют в применении исцеляющих амулетов, – проговорил Алонсо. – Разве это не подтверждает вашу связь с колдовством? Признайтесь, и я буду ходатайствовать о помиловании согласно «Эдикту»...

– Я не колдун, – повторил Ибарра и указал на дым, просачивающийся в камеру. – Те женщины помогли многим страдающим в окрестных горных поселках излечиться от хвори. Я

был всего лишь их защитником, смиренным рабом святой Колумбы, покровительницы ведьм. Я не смогу с чистым сердцем признать себя колдуном. Не из-за презрения к подобному обвинению, а потому, что не смею им называться... Ибо недостойн такой чести.

Его слова потрясли Алонсо. Бесчисленное множество раз он слышал, как обвиняемые отрицали свою вину, однако с такими убеждениями он столкнулся впервые.

Ибарра приблизился к прутьям решетки.

– Но что касается амулета... это правда. Я боюсь тех, кто прибыл в деревню перед вами.

Будто в ответ на его слова, дверь за Алонсо распахнулась, и вошел монах в черной рясе с накинутым на голову капюшоном.

– Он признался? – хрипло спросил монах.

Алонсо повернулся к Ибарре. Священник отступил в глубь камеры и выпрямился, явно не намеренный отречься от своих слов.

– Нет.

– Взять его, – распорядился вошедший.

Двое монахов вбежали в помещение, чтобы потащить Ибарру на костер. Алонсо преградил им путь.

– Я сам его выведу.

Камеру поспешно открыли, и Фриас широким шагом повел узника из тюрьмы к месту казни, придерживая несчастного за локоть. Ноги приговоренного подкосились не от слабости и не от истощения, а от увиденного на площади. Шесть тлеющих столбов с обожженными телами. Обугленные руки подняты вверх и привязаны к раскаленным докрасна металлическим шестам. Седьмой свежееобтесанный столб из каштана возвышался над грудой сухого хвороста и щепок.

Ибарра крепко вцепился в руку Алонсо, а тот попытался вселить уверенность в уstraшенного пленника.

– Пусть примет Господь тебя в Свои объятия.

Однако Алонсо неверно интерпретировал намерения священника. Костлявые пальцы раскрыли его ладонь и вложили в нее какой-то предмет. Алонсо инстинктивно сжал руку, догадавшись, что вещь, вероятно, хранилась в потайном кармане изодранной рясы.

Амулет!

Подтверждая подозрения Алонсо, Ибарра прошептал по-испански:

– *Nominas de moro.*

Священник имел в виду «талисманы» или «амулеты», на которых написаны имена святых. Считалось, что они обладают чудодейственной силой.

– Его нашли у истоков реки Орабидея, – тихо пояснил Ибарра. – Умоляю, сохраните.

Из клубов дыма им навстречу решительной широкой поступью вышел высокий мужчина в темно-красной рясе и черной повязке, лидер радикальной группы. До Алонсо доходили слухи о существовании среди инквизиторов последователей давно почившего кровожадного Торквемады. Они называли свое общество «*Crucibulum*», в переводе с латыни «тигель» – емкость для плавления или очищения огнем.

Алонсо вперил взгляд в дымящиеся останки на шести столбах и крепко сжал в ладони амулет.

Предводитель выступил вперед и кивнул монахам. Повинуясь молчаливому приказу, они оторвали Ибарру от Алонсо и потащили вперед.

В руках лидер держал книгу в позолоченном переплете. Алонсо легко узнал проклятый фолиант. Полное название переводилось с латыни как «Молот Ведьм, уничтожающий Ведьм и их ереси, подобно обоюдоострому мечу». Книга была написана более века назад. Настоящая библия по выслеживанию, выявлению и наказанию колдуний. Папа Римский и даже многие из инквизиторов относились к ней с изрядной долей скептицизма.

Последователи «*Crucibulum*» почитали ее превыше всего остального.

Алонсо стоял неподвижно. А что еще оставалось младшему инквизитору, одному против дюжины монахов?

Ибарра шел навстречу смерти, а высокий мужчина в темно-красной рясе неотступно следовал за ним и что-то горячо шептал священнику на ухо. Алонсо разобрал только слово *nominas*.

Значит, страх Ибарры был оправдан...

Алонсо предположил, что предводитель, вероятно, сыплет угрозами или, напротив, сулит помилование, если Ибарра раскроет правду об амулете.

Опасаясь, что может привлечь к себе внимание – ведь он оставался с приговоренным наедине, – инквизитор покинул площадь. Оглянувшись, он увидел, как священника приковывают цепями к столбу из каштана. Ибарра перехватил его взгляд и легонько кивнул.

Сохраните...

Поклявшись исполнить эту просьбу, Алонсо отвернулся и поспешил в конюшню. Едва он успел пройти несколько шагов, как голос обреченного вознесся к небесам:

– Сожгите всех!.. И что с того? Святая Колумба предрекла свое пришествие. Ведьма вернет свое влияние, истребит «Тигель» и очистит мир от скверны!

Алонсо даже споткнулся от таких заявлений. Неудивительно, что «*Crucibulum*» стремится подавить культ Колумбы и уничтожить любые доказательства его существования. Он крепче сжал в ладони талисман. Мир постепенно менялся – кровавый подход Торквемады уже в прошлом. И все же Алонсо еще предвидел кровопролитие и костры для ведьм, последние конвульсии умирающего века.

Отойдя на безопасное расстояние, он рискнул взглянуть на амулет Ибарры. Раскрыл ладонь – и, потрясенный, едва не выронил сокровище.

Палец, небрежно оторванный с чьей-то руки, когда-то обожженный, при этом в идеальной сохранности. А ведь один из признаков святости – нетленность мощей, их неподверженность разложению.

Неужели к нему попала истинная реликвия?

Алонсо остановился, чтобы получше разглядеть слова, начертанные на плоти чернилами. «*Sanctus Maleficarum*».

Он перевел с латыни: «Святая ведьма».

Значит, это действительно *nominas*, амулет с именем святой... Впрочем, дальнейший осмотр привел к еще большему открытию. Затаив дыхание от волнения, Алонсо вертел талисман в руках. Кусок плоти лишь казался настоящим. На линии отрыва виднелся часовой механизм с тонкой проволокой и блестящими металлическими стержнями.

Муляж, механическая модель пальца.

Алонсо слышал о подарках королям и королевам: хитроумных поделках, имитирующих движения человека. Шестьдесят лет назад императору Священной Римской империи Карлу V была преподнесена заводная фигурка монаха, сконструированная испано-итальянским инженером и изобретателем Хуанело Турриано. Куколка могла поднимать и опускать деревянный крест, подносить распятие к лицу, шевелить губами, словно в молитве, и двигать глазами.

У меня в руках такое изделие?

Если да, в чем его значимость? Как оно связано с культом святой Колумбы?

Задаваясь этими вопросами, Алонсо продолжил идти к конюшне. Ибарра оставил ему ключ к разгадке тайны: сообщил место, где талисман был найден.

– Река Орабидея, – пробормотал Фриас, нахмурившись.

Каждый местный инквизитор знал эту реку. Исток ее находился в Пещере ведьм, по-испански «*Sorginen Leizea*». Там проходили шабаши. Да и сама река имела довольно мрачную историю. Иногда ее называли «*Infernuko erreka*» или, по-баскски, «Течение преисподней» – по поверьям, она вытекала в наш мир из адских котлов.

Алонсо вздрогнул от ужаса. Если Ибарра сказал правду, амулет нашли как раз у истока. Другими словами, у врат самого ада.

Он хотел отказаться от дальнейших раздумий и выбросить талисман, когда за его спиной раздался мучительный крик, эхом отразившийся от звезд.

Ибарра...

Инквизитор сжал амулет.

Священник погиб, чтобы сохранить тайну.

Назад дороги нет.

Даже если потребуется пройти во врата ада, Алонсо выяснит правду.

***Наши дни 21 декабря,
22 часа 18 минут
по западноевропейскому времени
Коимбра, Португалия***

Ее ждал шабаш.

Шарлотта Карсон торопливо шла по темной университетской библиотеке. Звук шагов по мраморному полу эхом отражался от кирпичных сводов двухэтажной средневековой галереи. Повсюду на старинных полках стояли книги, датируемые XII веком. Огромный зал освещали лишь несколько свечей в канделябрах. Шарлотта невольно залюбовалась темной лестницей с изящной позолоченной отделкой.

Библиотека Жуанина, построенная в начале XVIII века, остается идеальным образцом архитектуры барокко, подлинным историческим центром университета Коимбры. И, как любая сокровищница, она представляет собой сводчатое хранилище со стенами толщиной в два фута и массивными дверями из тика. Помещение было спроектировано таким образом, чтобы, независимо от времени года, внутри поддерживалась устойчивая температура в 65 градусов по Фаренгейту⁴ и неизменно низкая влажность.

Идеальные условия для содержания древних фолиантов...

Впрочем, сохранность книг обеспечивалась не только архитектурными особенностями библиотеки.

Шарлотта присела, чтобы уклониться от летучей мыши, которая скользнула над ее головой и скрылась где-то в верхних галереях. От ультразвукового писка, бесшумного, но ощутимого, по шее пробежали мурашки. В библиотеке веками обитала колония летучих мышей – преданных союзников в борьбе за безопасность хранящихся здесь манускриптов. Каждую ночь они истребляли насекомых, не позволяя им лакомиться кожаными переплетами и желтым пергаментом.

Разумеется, чтобы без опаски делить кров со столь самоотверженными охотниками, требовалось соблюдать надлежащие меры предосторожности. Шарлотта провела пальцем по кожаному полотну на поверхности стола. Каждый вечер после закрытия библиотеки, дабы защитить деревянные столешницы от помета, смотрители их укрывали. Тем не менее, глядя на крылатые тени, скользящие по кирпичным сводам, она испытывала суеверный страх наряду с некоторой толикой веселья.

В самом деле, какой шабаш без летучих мышей?

Сегодняшняя ночь была выбрана неспроста. Как раз завершился недельный научный симпозиум, завтра его участники разъедутся по домам в разные уголки мира, чтобы провести праздники с друзьями и семьей. А сегодня город освещен многочисленными огнями и наполнен фестивальной музыкой. Все будут отмечать зимнее солнцестояние, самую долгую ночь в году.

⁴ Ок. 18–19 градусов по Цельсию.

Шарлотта сверилась с часами, понимая, что опаздывает. На ней все еще был полуформальный наряд с праздничного вечера в посольстве: черная юбка свободного кроя до щиколоток, короткая накидка и голубая блузка. Волосы, не по возрасту седые, к тому же короткие и редкие после курса химиотерапии, она гладко уложила. Заморачиваться с окрашиванием и наращиванием не хотелось. Пережив тяжелейшую форму рака, она считала тщеславие легкомысленной глупостью, на которую отныне жаль тратить время.

Узнав, который час, Шарлотта нахмурилась.

Осталось четыре минуты.

Солнце на другой стороне света приближалось к тропику Козерога. Когда светило достигнет этой широты, наступит момент солнцестояния, после которого зима неизбежно начинает двигаться к лету, и тьма уступает свету.

Идеальный момент для презентации.

И проведения эксперимента.

– *Fiat lux*, – прошептала она.

Да будет свет...

Яркое свечение впереди озаряло арочный проем и спиральную лестницу, ведущую в нижние ярусы библиотеки. Верхний этаж, благодаря роскошному убранству и исторической ценности, назывался Парадным. Под ним располагался Средний этаж, доступ в который имели лишь библиотекари. Там бережно хранились самые редкие книги.

Однако Шарлотте предстояло спуститься еще глубже. Понимая, что времени в обрез, она поспешила в арку.

Остальные уже собрались внизу. Она прошла под портретом Жуана V, португальского короля, основателя библиотеки, и начала спускаться по витой лестнице на самый нижний этаж.

Вниз по кругу, снова и снова. Вскоре приглушенные голоса стали звучать громче. Достигнув последней ступеньки, Шарлотта остановилась у тяжелых дверей из черного металла. Они были слегка приоткрыты, специально для нее. А над ними висела табличка с надписью «*Prisao Academica*»⁵.

Шарлотта представила, как в этих стенах томились проштрафившиеся студенты и напившиеся преподаватели. Изначально здесь была темница королевского дворца, а потом этаж использовался в качестве университетской тюрьмы вплоть до 1834 года. На сегодняшний день – единственный сохранившийся до наших дней образец казематов средневековой Португалии.

Проскользнув в двери, Шарлотта направилась дальше, туда, где в атмосферу древней эпохи просочилась современность. В неиспользуемом резервном архиве стояла новая компьютерная система – в частности, для оцифровки книг, благодаря чему обеспечивался еще один способ защитить сокровища, хранимые этажом выше.

В нынешнее солнцестояние компьютеры послужат иной цели – не для сохранения прошлого, а для взгляда в будущее.

Зайдя в дальнее хранилище, Шарлотта услышала женский голос:

– О, *embaixador*⁶ Карсон, вы вовремя!

Элиза Герра, главный хранитель библиотеки Жуанина, одетая в синий брючный костюм и белую блузку, подошла ближе, расцеловала Шарлотту в обе щеки и слегка сжала ее плечо.

– Я сомневалась, что успею, – объяснила Шарлотта с извиняющейся улыбкой. – В посольстве не хватает персонала, к тому же этот предпраздничный переполох...

Она служила в посольстве США в Португалии, и сегодня вечером на нее навалилась тысяча дел. А еще следовало успеть на ночной авиарейс в Вашингтон, обратно домой к мужу и

⁵ Студенческая тюрьма (*порт.*).

⁶ Посол (*порт.*).

двум дочерям. Старшая, Лора, вернулась с учебы на факультете биотехнологии Принстонского университета, альма-матер самой Шарлотты. Другая дочь, сорвиголова Карли, мечтала учиться музыке в Нью-Йоркском университете – а пока тоже познавала инженерные технологии.

Шарлотта гордилась ими обеими.

Жаль, что они не смогут разделить с ней минуту торжества. Отчасти именно из-за дочерей Шарлотта содействовала созданию данной организации женщин, занимающихся научно-исследовательской работой. Так крупная структура «Коимбра групп», объединяющая более трех десятков университетов по всему миру, создала благотворительный фонд.

С целью укрепления и развития связей женщин с наукой Шарлотта с четырьмя единомышленницами собрались здесь для запуска проекта «Брушас интернэшнл». *Bruhas* в переводе с португальского означает «ведьмы». В течение нескольких веков целительницы, практикующие лечение травами, экспериментирующие с производством лекарств или же просто задумывающиеся об устройстве мира, объявлялись еретичками или ведьмами. Даже здесь, в Коимбре, городе, почитаемом как образовательный центр, часто устраивали пышные жуткие церемонии – аутодафе или «акты веры», в ходе которых сжигали вероотступников и еретиков.

Шарлотта со своими сторонницами решили принять вызов и дерзко назвать свой союз «Брушас».

Впрочем, метафора не ограничивалась лишь названием группы.

Компьютер Элизы Герры уже загрузился, и на экране монитора засиял медленно вращающийся символ организации: пентаграмма в круге.

Пять концов звезды обозначали пятерых женщин, основавших данный союз в университете Коимбры шесть лет назад. Лидера у них не было, учитывалось мнение каждой.

Шарлотта улыбнулась трем другим соратницам: доктору Ханне Фест из Кельнского университета, профессору Икуми Сато из университета Токио и доктору Софии Руиз из университета Сан-Паулу. Хотя Шарлотта получила должность посла в прошлом году – не в последнюю очередь благодаря своей роли в создании международной организации в Португалии, – она, как и остальные, изначально занималась исследовательской работой и преподавала в Принстоне.

Все пятеро были чуть старше пятидесяти и примерно одновременно стали продвигаться – каждая в своей профессии, – испытывая те же трудности, связанные с гендерной принадлежностью, подвергаясь дискриминации и пренебрежительному отношению. Помимо интереса к наукам их связывал союз, цель которого заключалась в том, чтобы добиться равноправия, поддержать молодое поколение женщин в научной деятельности.

Их усилия уже принесли хорошие результаты по всему миру.

Ханна наклонилась к микрофону, расположенному на стойке у клавиатуры.

– Мара, мы в сборе. – Она говорила на английском с сильным немецким акцентом. – Когда будешь готова, можешь начинать презентацию.

Экран разделился: пентаграмма уменьшилась в размере и сдвинулась в сторону, а рядом появилось юное лицо Мары Сильвиеры. Ей шел всего лишь двадцать второй год, но она уже пять лет училась в университете Коимбры, получив стипендию от «Брушас» в нежном возрасте шестнадцати лет. Родом из маленькой деревни в Галисии, регионе Северной Испании, девушка привлекла интерес технических компаний после того, как разработала и выложила в Сети приложение для перевода, затмившее существующий на рынке аналогичный софт.

Ее глаза лучились ясным умом. Или просто гордостью.

Судя по смуглой коже и длинным прямым волосам, в жилах предков Мары текла мавританская кровь. В данный момент девушка находилась на противоположной стороне кампуса в университетской лаборатории передовых компьютерных систем, где стоял вычислительный кластер «Милипея», один из мощнейших суперкомпьютеров на континенте.

Мара отвела взгляд от объектива камеры.

– Я запускаю «Генезис». Через минуту мы должны выйти онлайн.

Женщины подошли ближе к экрану, и Шарлотта взглянула на наручные часы.

22.23.

Самое время...

Она снова представила, как солнце достигает тропика Козерога, знаменуя кульминацию зимнего солнцестояния, обещая конец тьмы и победу света.

В следующее мгновение металлический лязг заставил собравшихся вздрогнуть и обернуться.

Из черных дверей появилась тесная группа темных фигур с капюшонами на голове. Незваные гости, с пистолетами в руках, перекрыли женщинам выход из хранилища.

Шарлотта сделала шаг назад, закрыла телом монитор, потянулась к компьютерной мышке и свернула на экране изображение Мары Сильвиеры, стремясь, во-первых, защитить девушку, а во-вторых, превратить ее в молчаливую свидетельницу: благодаря микрофону и камере та могла видеть, слышать и даже записывать происходящее.

Фигуры приближались. Даже если Мара немедленно вызовет полицию, вряд ли подмога успеет вовремя. Впрочем, девушка, сосредоточенная на подготовке презентации, могла и не заметить изменение обстановки.

Восемь нападавших – все мужчины – были в черных рясах, с шелковыми темно-красными лентами на глазах. Однако, судя по их походке и бесшумному передвижению, они отлично видели через ткань.

Элиза Герра, полная готовности защищать свою библиотеку, шагнула вперед.

– Что это значит? Чего вы хотите?

Ответом ей было тягостное молчание.

Визитеры расступились, открывая девятого человека, явно своего лидера. Ростом более шести футов, в красной рясе с черной повязкой на глазах. Вместо оружия он нес в руке толстенный книжный том в потертom кожаном переплете. Золотые буквы на обложке гласили: «Молот ведьм».

Шарлотта отшатнулась, и в душе ее угас последний луч надежды. Она-то уповала на вооруженное ограбление – многие из библиотечных книг были бесценны. Однако фолиант в руках мужчины привел ее в отчаяние. Один экземпляр первого издания хранился здесь, в библиотеке Жуанина; судя по тому, как нахмурилась Элиза, не исключено, что именно он и был украден со стеллажа.

«Молот Ведьм» – руководство для выявления, преследования и пыток колдуний, одна из самых позорных и запятнанных кровью книг за всю историю человечества. По примерным оценкам, количество жертв, пострадавших из-за нее, насчитывает более шестидесяти тысяч душ.

Шарлотта взглянула на своих компаньонов. *Сейчас это число увеличится на пять человек...*

Первые слова лидера подтвердили ее опасения.

– *Maleficos non patieris vivere.*

Шарлотта узнала предостережение из Книги Исхода: «Ворожеи не оставляй в живых».

Дальше мужчина заговорил по-английски с испанским акцентом.

– «Генезис» должен быть уничтожен, – нараспев произнес он. – Это скверна, порожденная колдовством и пороком.

Шарлотта нахмурилась. *Откуда он узнал о наших намерениях?*

На женщин нацелились дула пистолетов, и двое мужчин вынесли вперед две пятигаллоновые канистры с надписью «*Querosene*»⁷. Чтобы догадаться об их содержимом, не требовалось глубоких познаний в португальском языке.

Канистры открыли и перевернули. Полилось горючее, в нос ударил удушающий запах керосина.

Закашлявшись, Шарлотта переглянулась с испуганными коллегами. Проработав бок о бок шесть лет, женщины отлично понимали друг друга. Они не привязаны к деревянным столбам. Если конец близок, ведьмы погибнут в бою.

Лучше пуля, чем пламя...

– Ах ты ублюдок! – Шарлотта ощерилась.

И все пятеро кинулись через керосиновые лужи к группе мужчин.

В замкнутом помещении грянули оглушительные выстрелы.

Шарлотта почувствовала, что в нее попали, но по инерции добежала до предводителя. Она неистово вцепилась в его лицо ногтями, сорвала повязку и увидела глаза, сверкающие яростью. А затем упала на каменный пол и, приподнявшись на локте, в ужасе оглядела помещение. Четыре женщины неподвижно лежали, раскинув руки, их кровь смешивалась с горячей жидкостью.

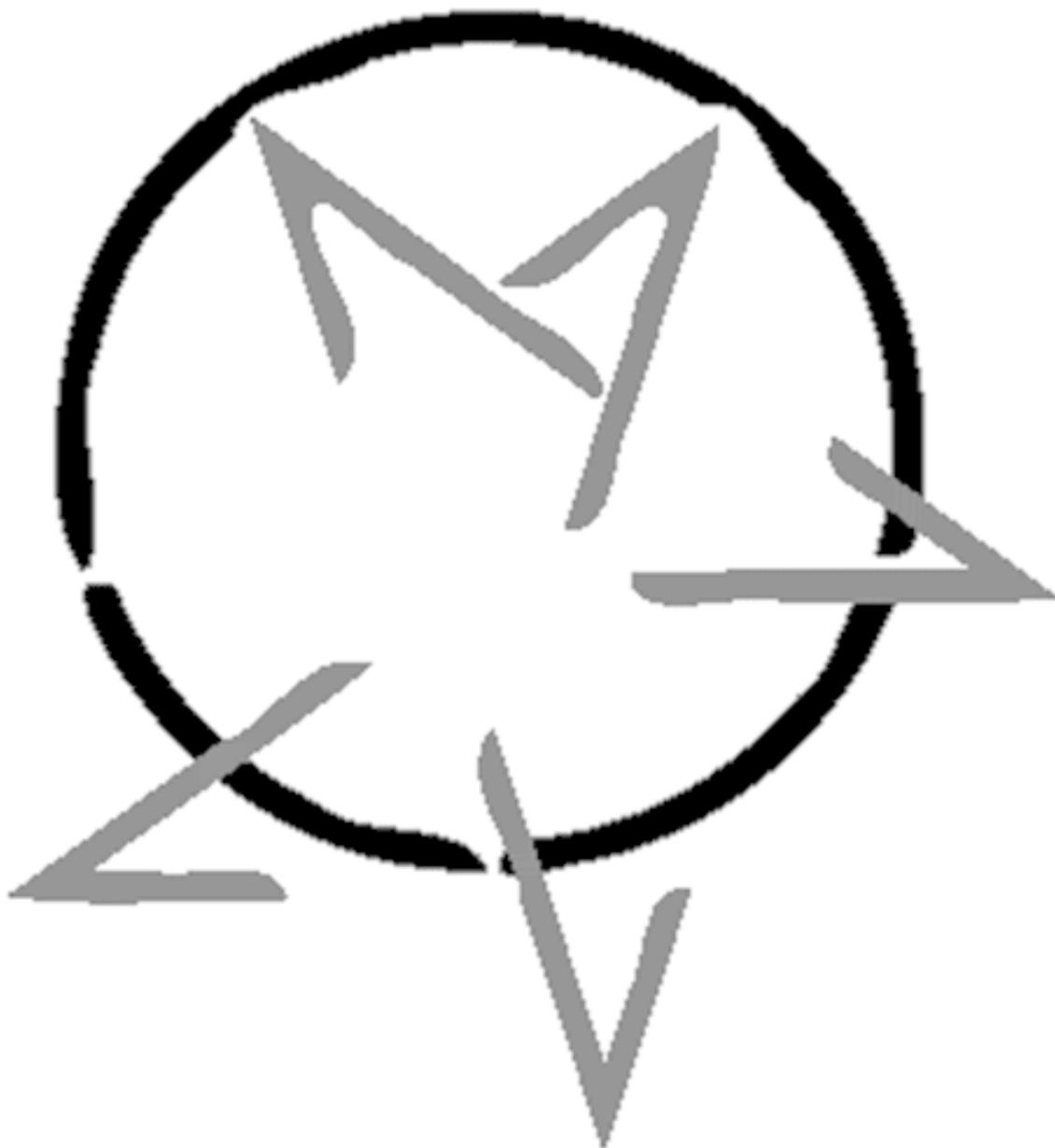
Лидер чужаков выругался на испанском и отдал короткий приказ. Сектанты достали из-под рясы бутылки с «коктейлем Молотова».

Шарлотта почувствовала, как холодеет ее тело, лишая страха перед наступающим пламенем. Затухающий взгляд остановился на экране монитора. Пентаграмма «Брушас» вращалась намного быстрее, чем раньше, словно происходящее раскрутило ее.

⁷ Керосин (*исп.*).

Потрясенная женщина смотрела на мутнеющую картинку.
Может, Мара пыталась подать ей сигнал?
Бутылки с «коктейлем Молотова» ударились о стены. Вверх взвились языки пламени, и Шарлотту окатил жар.
Она неотрывно глядела в эпицентр пожара.
Символ на экране завертелся еще быстрее, а потом резко замер. Его центр поплыл, распался на фрагменты и рассыпался.

Предводитель приблизился к Шарlotte, вероятно, тоже озадаченный увиденным. Она буквально почувствовала его замешательство. От пентаграммы остались лишь два зубца, словно рога дьявола.

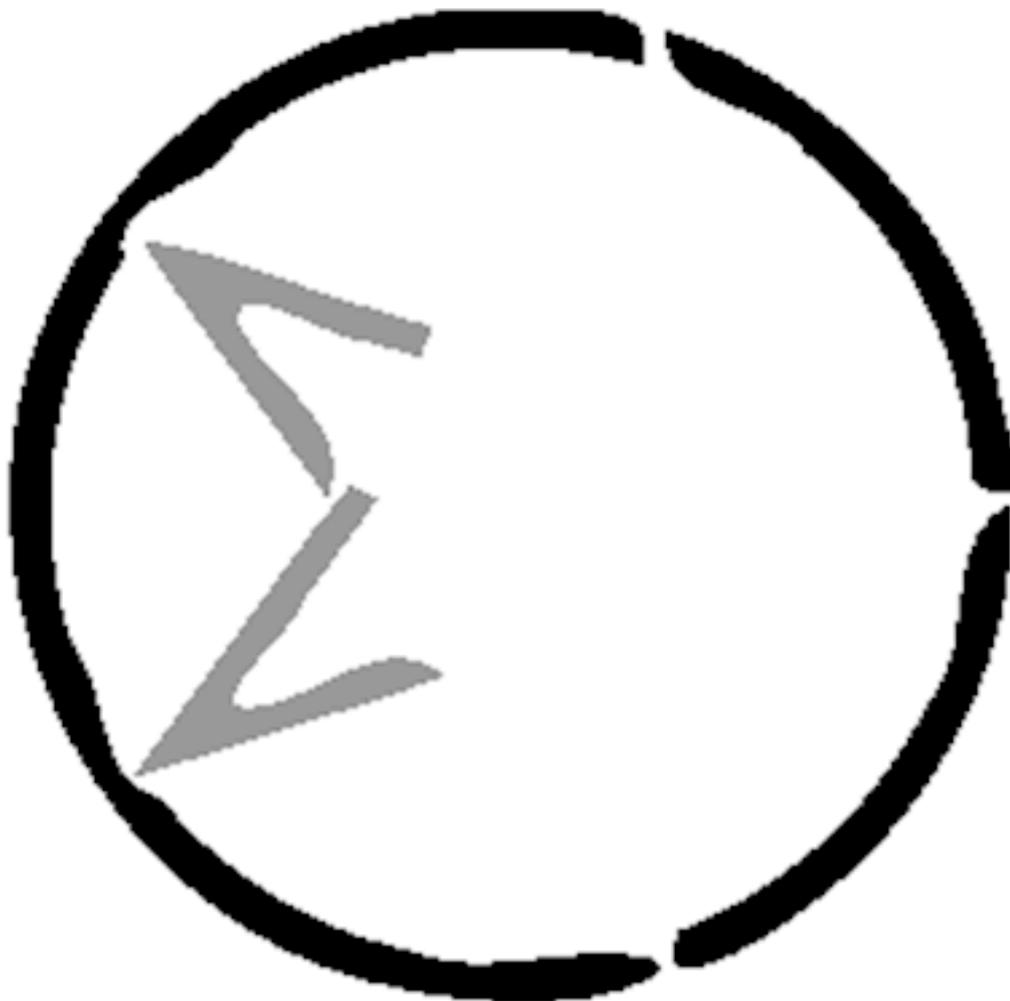

Узнав очертания, мужчина окаменел, явно оскорбленный, поднял руку и взревел:

– У... уничтожьте *computadora*!⁸

Но было поздно. Изображение поменялось еще раз, последний: повернулось на четверть.

⁸ Компьютер (*исп.*).

Раздались выстрелы, экран почернел и треснул. Шарлотта обмякла и погрузилась в темноту, ожидая обещанного света в конце тоннеля и отчаянно надеясь, что Мара в безопасности.

С собой в глубину она уносила образ, ярко отпечатавшийся в сознании, – последнюю картинку на экране. Круг исчез, остался только один символ, который рос и рос, пока не заполнил собой весь дисплей. А потом монитор разлетелся на кусочки.

Знак напоминал букву греческого алфавита – сигму.
Шарлотта не знала, что это значит, но последний миг ее жизни был озарен надеждой.
Надеждой за все человечество.

Часть первая

Призрак в машине

Глава 1

24 декабря, 21 час 06 минут

по восточному поясному времени

Силвер-Спринг, Мэриленд

Когда монетка взвилась в воздух, командера Грейсона Пирса кольнуло предчувствие чего-то страшного. Он сидел на табурете рядом со своим лучшим другом Монком Коккалисом, подбросившим четвертак над столом из красного дерева. Вокруг шумели пьяные завсегдатаи бара «Куорри-хаус». Группа музыкантов играла «Маленького барабанщика» в стиле рокабилли. Тяжелые удары басовой «бочки» отдавались под ребрами, нагнетая напряжение.

– Орел! – выкрикнул Монк, когда четвертак блеснул в тусклом свете.

Это был тринадцатый бросок.

Монетка приземлилась ему на ладонь, и все увидели профиль Джорджа Вашингтона.

– Ну, я же говорил! – усмехнулся Монк.

Кто-то застонал, кто-то издал возглас радости – смотря кто на кого ставил. Тринадцатый раз подряд Коккалис угадал, какой стороной упадет монета. После каждого броска спорщиков награждали бесплатной порцией пива.

Бармен нырнул под висящую на стене голову кабана – символ заведения, украшенный красной шапочкой Санта Клауса, – и извлек бочонок «Гиннеса».

Когда в кружках Пирса и Коккалиса заплескался темный пенистый напиток, между ними протиснулась мощная фигура, едва не столкнув Грея с табурета. От незнакомца несло виски и чем-то жареным.

– Это какой-то гребанный фокус! У него четвертак фальшивый.

Другой посетитель попытался оттащить приятеля. Они были два сапога пара: обоим лет под тридцать, одинаковые пиджаки с закатанными рукавами и прически с выбритыми висками. В общем, братаны еще со времен студенческой скамьи.

– Брайс, уймись, – упрашивал более трезвый товарищ. – Парень бросал полдюжины четвертаков. Монета настоящая.

– К черту. Он жулик!

Пытаясь вырваться из крепкой хватки, задира не удержал равновесия, дернулся и резко двинул локтем в направлении лица Грея. Тот вовремя отстранился, почувствовав, как шальная рука проскользнула в миллиметре от его носа. Удар пришелся по официантке, несущей поднос. Стаканы и тарелки с закусками – по большей части с картошкой фри – взметнулись в воздух.

Схватив девушку за талию и удержав от падения, Грей укрыв ее от осколков посуды, разбившейся о барную стойку.

Монк вскочил и надвинулся на пьяного.

– Остынь, приятель, или будешь пенять на себя.

– И что ты сделаешь? – поинтересовался Брайс.

Он явно не испугался, особенно когда стало ясно, что бритая голова соперника едва достает ему до плеча. Монку пришлось смотреть снизу вверх. Солидности не придавал и толстый шерстяной свитер, который полнил его, скрывая отличную физическую форму, годами приводимую в совершенство во время службы в подразделении «Зеленых беретов». Разуме-

ется, веселенький орнамент в виде вышитой на свитере рождественской елки – подарок от жены – не убедил Брайса отступить.

Поняв, что напряжение растет, Грей выпустил официантку из рук.

– Ты в порядке?

Она кивнула и предпочла отойти подальше от назревающего конфликта.

– Да, спасибо.

Бармен подался вперед и указал на дверь.

– Ребята, давайте снаружи.

Вокруг собрались еще несколько дружанов Брайса, готовых поддержать товарища.

Да уж. Отлично...

Грей шагнул к Монку, чтобы вытащить его из передраги.

– Пошли отсюда.

Однако прежде чем он успел дойти до друга, его толкнули в спину. Вероятно, кому-то из компании противника показалось, что Грей намеревается причинить вред их корешу. Брайс взревел, точно разъяренный бык, и с разворота ударил, целясь Монку в челюсть. Коккалис увернулся и поймал кулак в воздухе. Брайс хмыкнул и повел накаченными в спортзале плечами, готовясь освободить свою руку. Однако Монк усилил хватку, после чего презрительная усмешка превратилась в болезненную гримасу, а затем еще крепче сжал пальцы, опуская противника на колено.

На самом деле Коккалис орудовал протезом, спроектированным по новейшей военной технологии. Почти неотличимый от настоящей руки, протез мог с легкостью раздавить грецкий орех или, как в текущей ситуации, кости пьяного наглеца.

Теперь наступил черед Брайса выворачивать шею, чтобы посмотреть на противника.

– Повторю еще раз, приятель, – предупредил Монк. – Остынь.

Один из товарищей Брайса решил вмешаться, но Грей преградил ему путь плечом и пригвоздил к месту ледяным взглядом. В отличие от друга, ростом он был около шести футов, и плотный свитер не скрывал его торс. К тому же последние пару дней Пирс не брился, а темная щетина делает лицо еще более суровым.

Почувяв, что с этой парочкой лучше не связываться, защитник Брайса отступил.

– Договорились? – спросил Монк у своего пленника.

– Да, парень, все о'кей.

Прежде чем ослабить хватку, Коккалис бросил противника на пол, затем перешагнул через него, буравя хмурым взглядом, и, проходя мимо Грея, подмигнул.

– Теперь можем идти.

Пирс собрался было последовать за ним, однако его насторожило лицо Брайса. Парень встал, повинувшись влиянию опасной смеси виски и тестостерона, и двинулся за Монком, думая напасть со спины.

Ну, всё, довольно...

Грей перехватил запястье Брайса и, используя массу и инерцию движения задиры, ловко вывернул ему руку за спину. Затем дернул вверх, приподняв обидчика на носочки, и подержал его в таком положении, осторожно, чтобы не повредить мышцу плечевого пояса. Усмирив объект, Пирс приготовился опустить мужчину обратно на ноги.

Однако Брайс отчаянно сопротивлялся, плюясь от злости.

– Пошел ты... Мы с друзьями тебя уделаем...

Чаша терпения переполнилась.

Грей резко дернул его руку вверх, и в плече что-то щелкнуло, достаточно громко, чтобы наблюдатели отказались от идеи прийти на помощь.

– Держите! – крикнул он и кинул Брайса в объятия дружков.

Никто даже не дернулся, чтобы его поймать.

Крича от боли, тот полетел на пол головой вперед. Грей молча оглядел присутствующих, выжидая, не осмелится ли кто-то выступить, и случайно увидел свое отражение в зеркале за стойкой. Растрепанные пепельно-коричневые волосы, мрачное выражение лица, грозный ледяной взгляд голубых глаз...

Никто рисковать не стал, и вся компания ретировалась в глубь бара.

Удовлетворенный тем, что инцидент исчерпан, Грей отвернулся и вышел. На ступеньках перед пабом его ждал Монк, с интересом разглядывающий мерцающую вывеску индийского ресторана по соседству. Не оборачиваясь, он спросил:

– Чего так долго?

– Пришлось закончить начатое тобой.

Коккалис пожал плечами.

– Тебе не мешало выпустить пар.

Грей был вынужден признать, что стычка отвлекла его от мрачных мыслей куда лучше, чем несколько пинт «Гиннеса».

Монк шагнул было к ресторану.

– Даже не думай. – Грей посмотрел на часы и стал ловить такси. – К тому же нас ждут четыре дамы.

– Верно, – согласился друг. – И две из них не лягут спать без поцелуя на ночь.

Он имел в виду своих дочек – Пенни и Харриет. Кэт, жена Монка, привезла девочек в дом Пирса в окрестностях города Такома-парк, штат Вашингтон.

Семья Коккалиса собиралась остаться там с ночевкой и встретить рождественское утро с Греем и Сейхан, пребывающей на восьмом месяце беременности. Сегодня вечером мужчин выдворили из дома – якобы хотели упаковать подарки. Хотя капитан Кэтрин Брайант являлась бывшим офицером разведки, Грей легко догадался о подоплеке происходящего: Сейхан очень переживала из-за грядущих событий, и Кэт хотела поговорить с ней наедине, чтобы поделиться материнским опытом.

Прогулка помогла и самому успокоить нервы. Грей благодарно похлопал друга по плечу. Монк прав. Ему действительно требовалось выпустить пар.

Подъехало такси. Когда машина тронулась, Грей со стоном откинул голову назад.

– Несколько лет так не напивался... А вот использовать новейшие технологии ради бесплатного пива... В УППОНИР⁹ не одобрили бы.

– Ну, почему же? – Монк, словно из ниоткуда, извлек монету и подбросил ее в воздух. – Зато попрактиковался в мелкой моторике.

– Тем не менее тот задира был прав. Ты мошенничал.

– Это не мошенничество, а ловкость рук.

Грей закатил глаза.

Монка прооперировали пять месяцев назад, имплантировав ему в соматосенсорную кору головного мозга экспериментальный нейрокомпьютерный интерфейс: микроэлектродные массивы размером с ноготь, благодаря которым Коккалис мог контролировать нейропротез с помощью мысли и даже «чувствовать» предметы на ощупь. Обладая способностью ощущать и перемещать предметы, Монку удалось так отладить управление приводом, что он точно предсказывал, какой стороной ляжет подброшенная монета.

Поначалу Грея веселил этот фокус, потом, с каждым броском, внутри стало расти смутное чувство беспокойства. Возможно, оно было связано с потерей женщины, которую он когда-то любил. Она погибла после того, как монетка упала не той стороной. А может, все это вообще ни при чем, а волнение вызвано предстоящим отцовством. У него никогда не ладились отно-

⁹ УППОНИР – управление планирования перспективных оборонных научно-исследовательских работ министерства обороны США.

шения с собственным родителем, чрезвычайно вспыльчивым человеком, и он тоже легко выходил из себя.

Грей вспомнил, как щелкнуло плечо грубияна из бара. В глубине души он знал, что можно было обойтись и без повреждений, но не смог удержаться. И потому его терзали сомнения.

Каким отцом я стану? Чему научу ребенка?

Не сомневался он лишь в одном – в том, что рад ехать домой.

На протяжении восьми месяцев Сейхан находилась в центре его внимания. Беременность сделала ее еще прекрасней, даже соблазнительней. Грей слышал, что женщины в положении излучают особый свет, однако удостоверился в этом только сейчас. Кожа миндального цвета, напоминающего о евразийском происхождении, сияла невероятным блеском, от которого перехватывало дыхание. Ее изумрудные глаза очаровательно сверкали, черные волосы блестели, как вороново крыло. Все это время она строго соблюдала режим и занималась гимнастикой, чтобы сохранить отличную физическую форму и настроить свое тело на защиту растущего внутри организма.

Сидящий рядом Монк прошептал:

– Решка.

Грей открыл глаза и посмотрел, как четвертак упал другу на левую ладонь. Профиль Джорджа Вашингтона. Пирс удивленно приподнял бровь, а Монк пожал плечами.

– Я же говорю, нужна практика.

– Или стимул в виде бесплатного пива.

– Хватит жаловаться! Лучше начинай копить, – сказал Монк, снова подбросив монетку. – Подгузники нынче недешевые.

То ли из-за напоминания, то ли из-за монеты Грей опять ощутил тревогу. Однако вскоре автомобиль повернул на их улицу, и он слегка успокоился.

По обе стороны дороги стояли идиллические викторианские коттеджи и бунгало. К вечеру похолодало, в воздухе появилась морозная дымка. В небе тускло светили звезды, не в силах соперничать с ярким блеском рождественских гирлянд, горящих во дворах оленей и елок, виднеющихся из окон.

Когда такси подъехало к дому, Грей посмотрел на крыльцо, украшенное мерцающими фонариками в виде сосуллек, которые Монк помог развесить пару недель назад, и попытался представить, как они будут растить здесь детей, играть во дворе в мяч, бинтовать ссадины на коленках, восхищаться оценками в дневнике и ходить на школьные спектакли. Но как ни старался он поверить, что это будущее реально, себя убедить не получалось. Ведь когда столько крови на руках, разве можно надеяться вернуться к нормальной жизни?

– Что-то стряслось, – промолвил Коккалис.

Погруженный в свои переживания, Грей не заметил кое-что важное. Он и Сейхан нарядили первую совместную елку. Украшения выбирали несколько недель, а на верхушку водрузили ангела со стразами от Сваровски, немислимо дорогого. Сейхан, впрочем, сказала, что он стоит своих денег и вполне может стать семейной реликвией, тоже первой. Елку они поставили как раз напротив эркера.

Сейчас ее не было видно.

Входная дверь оказалась приоткрыта, и даже отсюда, с улицы, Грей заметил, что она сломана. Он наклонился к водителю такси.

– Звоните «девять-один-один».

Монк уже рванул из машины к двери. Пирс последовал за ним, замешкавшись на секунду, чтобы достать «зиг-зауэр Р365» из кобуры на лодыжке. Охваченный страхом, командер понял, что был прав.

Ему не вернуться к нормальной жизни.

22 часа 18 минут

Монк взлетел на крыльцо. Сердце его колотилось где-то в горле, мешая дышать. Он в панике ворвался в дверь, вооруженный только собственными кулаками. Пять лет службы в подразделении «Зеленых беретов» приучили его немедленно оценивать ситуацию. Все чувства обострились, улавливая зацепки:

...опрокинутая елка;

...разбитый стакан на кофейном столике;

...треснутая пополам напольная вешалка мебельной фабрики «Стики»;

...кинжал, вонзившийся в перила лестницы на второй этаж;

...коврик, скомканный у стены.

Мимо промчался Грей, держа в руке черный пистолет. Ушами, кожей, всем существом Монк ощутил тяжелую тишину.

«Никого...»

Он нутром это чуял.

Тем не менее командер кивнул наверх. Коккалис ринулся по лестнице, перескакивая через три ступеньки, а Грей остался прочесывать первый этаж. Девочки уже должны были лечь спать. Коккалис представил шестилетнюю Пенелопу с хвостиками пшеничных волос и ее рождественскую пижаму с танцующими оленями. А потом Харриет с темно-рыжей шевелюрой. Она хоть и на год младше сестры, зато кажется взрослее. Всегда серьезная, с тысячей вопросов об окружающем мире.

Сначала Монк забежал в гостевую спальню, где предстояло видеть сны о леденцах и подарках девочкам. Комната была пуста, заправленные кровати стояли нетронутыми. Позвал дочек, поискал в шкафах, посмотрел в других комнатах. Никого.

Именно этого он и боялся. Накатила слабость, в глазах помутнело.

– Грей...

Прозвучало почти как всхлипывание.

Зов раздался из дальней части дома, с маленькой кухни, выходящей на задний двор.

– Сюда!

Монк поспешил через разгромленный зал мимо обеденного стола, выдвинутого в проход. По обе стороны от него валялись два стула. Он постарался не думать об ожесточенной борьбе, разыгравшейся после вторжения в дом чужаков.

В кухне следы борьбы предстали перед ним со всей очевидностью.

Холодильник был распахнут настежь, на полу и столешницах разбросаны ножи, сковородки и осколки тарелок. Дверца буфета висела на одной петле.

Грей склонился над телом, распростертым на паркетном полу.

У Монка оборвалось сердце. *Кэт...*

Пирс выпрямился.

– Жива. Пульс слабый, но она дышит.

Коккалис рухнул коленями на пол и, повинувшись инстинкту, потянулся к жене, чтобы прижать к себе. Однако Грей не позволил.

– Не шевели ее.

Руки Кэт были изрезаны, раны сочились темной кровью. Из ноздрей и левого уха текли бордовые струйки. Зрачки в приоткрытых глазах закатились. К кухонному молотку из нержавеющей стали прилипла окровавленная прядь рыжих волос – точь-в-точь, как у Кэт.

Монк бережно взял запястье жены, пытаясь нащупать пульс пальцами протеза. Выращенная в лаборатории кожа обладала гораздо большей чувствительностью, чем настоящая плоть. Монк принялся считать удары сердца, представляя, как сокращаются желудочки и предсердия. Затем взял Кэт за указательный палец двумя своими, протезными, и мысленно активировал на

одном из них инфракрасный фонарик, а на другом – фотодетектор. Проходившее через кончик ее пальца излучение позволило ему провести пульсовую оксиметрию – измерение насыщения крови кислородом.

Девяносто два процента.

Не идеально, но пока сойдет. Будь эта цифра ниже, ей понадобился бы дополнительный кислород.

В «Зеленых беретах» Монк был медиком и с тех пор совершенствовался в области медицины и биотехнологий. Он, Грей, Кэт и Сейхан работали в секретном отряде «Сигма» под руководством УППОНИР, агентства по внедрению научно-исследовательских проектов при министерстве обороны. За исключением подружки Грея, все они в прошлом являлись бойцами спецназа, были тайно завербованы «Сигмой» и прошли переподготовку в различных научных дисциплинах, чтобы действовать в качестве оперативных сотрудников УППОНИР для защиты Соединенных Штатов и всего мира.

Грей уже достал свой поцарапанный спутниковый телефон, чтобы выйти на связь с членами отряда «Сигма».

– Сейхан? – спросил Монк.

Пирс покачал головой. На его лице застыла маска гнева и страха.

Монк взглянул на кухонную дверь, распахнутую в темный задний двор. Он знал, что ради спасения дочерей жена билась бы до последнего.

– Может, Сейхан убежала с девочками, пока Кэт пыталась сдержать нападающих?

Грей глянул в ночной мрак в дверном проеме.

– Мне тоже пришла такая мысль. Проверив пульс Кэт, я тут же позвал Сейхан. Она не ушла бы далеко.

Иными словами, услышала бы его оклик...

– А вдруг ее преследовали? И ей пришлось убежать подальше...

– Возможно.

Сейхан в прошлом была наемной убийцей, подготовленной не хуже Кэт. Однако на восьмом месяце беременности, да еще с двумя детьми на руках, она не смогла бы далеко уйти от преследования.

Оставалось предположить, что Сейхан с девочками забрали.

Но кто? И зачем?

Грей оглядел разгромленную кухню.

– Нападение, вероятно, оказалось быстрым и скоординированным. И велось одновременно с главного и черного хода.

– То есть это не местные торчки пришли за подарками...

– Нет. У меня по всему дому спрятано оружие. Должно быть, Сейхан обезвредили первой.

Монк кивнул. Он и сам предпринял те же меры предосторожности у себя дома. Побочный эффект характера их работы.

Дозвонившись, Грей включил громкую связь, чтобы Монк слышал разговор. Довольно быстро его переключили на Пейнтера Кроу, руководителя «Сигмы». Пирс вкратце доложил о случившемся.

Вдалеке, разрезая холодный воздух, с нарастающим воем раздались звуки сирен.

– Отправь Кэт в больницу, – распорядился Пейнтер. – Обеспечьте ее безопасность, а потом жду тебя в кабинете.

Они с Монком переглянулись.

– Зачем?

– Момент нападения был выбран не случайно.

Грей нахмурился.

– Что вы имеете в виду?

Монк наклонился к трубке, страстно желая услышать ответ. Стоя на коленях рядом с Кэт, он смотрел в зал на опрокинутую рождественскую елку. В прозрачных осколках отражались мерцающие огоньки гирлянды с крыльца.

Разбитый ангел с отломанными крыльями.

От Пейнтера не последовало ни слов успокоения, ни ободряющих заверений. Напротив, в голосе директора звучала тревога.

– Просто приезжай.

Глава 2

*25 декабря, 05 часов 17 минут
по западноевропейскому времени
Лиссабон, Португалия*

Я мыслю, следовательно, существую...

Мара Сильвиера хмуро размышляла о сентенции Рене Декарта, французского философа XVII века: *«Cogito, ergo sum»*.

– Если б все было так просто, – пробормотала она, склоняясь над открытым ноутбуком на столе гостиничного номера, и принялась возиться с USB-кабелем, подключенным к черному ящику на полу.

В кейсе с мягкими стенками лежали хрупкие 2,5-дюймовые твердотельные жесткие диски, каждый емкостью по шестнадцать терабайт. Мара горячо надеялась, что ни они сами, ни информация на них не повреждены. После нападения на библиотеку надо было срочно спасти проект. Трясаясь от рыданий, плохо видя от слез, девушка лихорадочно выдергивала жесткие диски из компьютеров кластера «Милипея» в лаборатории университета Коимбры.

Даже сейчас в ее ушах продолжали греметь выстрелы. От этих воспоминаний дыхание Мары стало сбивчивым. Мара неуклюже пыталась вставить USB-кабель в разъем ноутбука. Глаза наполнились слезами при мысли о гибели пяти женщин, ее наставниц, которые предоставили ей полную стипендию за участие в работе группы «Брушас интернэшнл». Тогда ей было всего шестнадцать, и она практически не выезжала за пределы родной деревни О-Себрейро. В основанном кельтами крошечном галисийском поселении высоко в горах на северо-западе Испании улочки вымощены булыжником, а дома – «пальясо» – крыты соломой. Тем не менее современность нашла способ проникнуть в древнюю деревушку посредством спутникового телевидения и Интернета. Перед скромной молоденькой девушкой, которая в шестилетнем возрасте лишилась больной раком матери и жила с убитым горем отцом, открылось окно в большой мир. По мере взросления у нее обнаружился дефект речи – шепелявость, потому со сверстниками она предпочитала отмалчиваться. Большую часть времени Мара проводила за чтением книг и обретала голос только в чатах или в переписке в «Фейсбуке». Чтобы расширить границы общения, девочка стала изучать языки, начав с романских, а потом перешла к арабскому, китайскому и русскому.

На первый взгляд, они казались совершенно разными, но вскоре Мара заметила общие черты в речевых оборотах и даже словах и фразах. На эти скрытые особенности внимания, похоже, никто, кроме нее, не обращал. Она пыталась объяснить обнаруженные закономерности своим друзьям в соцсетях, для чего потребовалось изучить еще несколько языков: бейсик, фортран, кобол, джава скрипт, питон. Девушка жадно читала книги, участвовала в онлайн-курсах. Языки программирования являлись для нее лишь еще одним средством общения, инструментом для обработки своих мыслей и вывода их в понятном для остальных виде.

С этой целью Мара разработала приложение «Олл тонгс» для «Айфона». Причем она не ставила перед собой задачу создать удобный для пользователя софт, хоть он и оказался гораздо совершеннее большинства прочих переводческих программ. В первую очередь, девушка стремилась доказать главный тезис: несмотря на все разнообразие, языки функционируют по общему принципу, объединяющему человеческие способности к мышлению и общению. Чтобы показать свое открытие миру, она использовала новейший язык из нулей и единиц.

И мир отреагировал.

Сначала, не зная, что разработчице приложения всего шестнадцать, ее позвали на работу в корпорацию «Гугл». А потом группа «Брушас интернэшнл» предложила оплатить образова-

ние. «Чтобы помочь раскрыть потенциал», – сказала ей доктор Шарлотта Карсон, лично приехавшая в О-Себрейро.

Мара вспомнила, как доктор Карсон появилась на пороге их семейного жилища, усталая и в дорожной пыли. Женщина тогда еще не знала о своем онкологическом диагнозе, и здоровье пока позволяло ей совершать подобные поездки. Мара понимала, что была не единственной девушкой, кого нашла Шарлотта. Доктор Карсон коллекционировала таланты, пестовала способности к науке. Даже обе ее дочери – Лора и Карли – пошли по стопам матери.

Мара подружилась со своей ровесницей Карли. Они жили на разных континентах, но каждый день болтали по телефону или переписывались. Касаясь тем науки, учителей и учебы в школе, все же большую часть времени девушки посвящали обсуждению дел сердечных: от непостижимой бестолковости юношей до невыносимой банальности сайтов знакомств. Как и в случае с человеческим языком, поиск искренней любви, похоже, также подчинен принципу универсальности: все люди разделяли одинаковые страхи и опасения.

Страсть Карли к музыке поначалу казалась Маре непонятной. До их знакомства она мало интересовалась современными поп-идолами и музыкальными тенденциями. Однако, слушая многочисленные аудиотреки, которые присылала ей подруга, и открыв для себя музыкальные сервисы вроде «Пандора» и «Спотифай», Мара провалилась в новое увлечение, как Алиса – в кроличью нору. Математическая корреляция между концертом Бетховена и какой-нибудь рэп-композицией привела девушку к изучению теории музыки, напрямую связанную с теорией сознания – фундаментальной концепцией в ее исследовании искусственного интеллекта.

Собственно говоря, данное неожиданное открытие привело к прорыву в ее работе. Она была в долгу перед Карли... а теперь ей предстояло сообщить подруге о нападении.

Мара закрыла глаза, борясь с волной горя. В ушах снова загремели выстрелы, перед внутренним взором предстали окровавленные тела. Она видела, как погибли ее друзья. А потом сбежала, опасаясь за собственную жизнь. Села на поезд в Лиссабон в надежде затеряться в многолюдном городе. За четыре дня сменила три гостиницы, расплачивалась наличными и везде представлялась разными вымышленными именами.

Она не знала, кому можно доверять.

Однако не страх быть раскрытой мешал ей связаться с Карли. А чувство вины. «Они погибли из-за меня, из-за моей работы», – вертелось в голове.

Молчаливая свидетельница трагедии, Мара помнила слова предводителя убийц: «“Генезис” должен быть уничтожен. Это скверна, порожденная колдовством и пороком».

Тяжело дыша, она устала на другой черный ящик на полу.

Внутри, в выемке, обитой мягким материалом, лежал шар, который Карли в шутку называла футбольным мячом. Неплохая аналогия. Устройство действительно было размером с мяч, а на его поверхности виднелись узнаваемые шестиугольные пластинки. Только не из стеганой кожи, а из титана и прочного, как алмаз, сапфирового стекла.

В минуту гордыни она назвала прибор «*Xenese*» – «Ченес», галисийским словом, обозначающим «Генезис». Впрочем, вполне уместное имя, учитывая, для каких целей он был создан: сотворить жизнь из небытия. Можно ли удивляться тому, что столь амбициозный проект привлек внимание враждебно настроенных людей?

Вновь вспомнились рясы нападавших и озвученный смертный приговор, цитата из Библии: «Ворожеи не оставляй в живых».

Гнев успокоил. Шарлотта и остальные погибли из-за работы Мары, но она не позволит, чтобы их смерть оказалась напрасной. До настоящего момента она только и делала, что убегала, преисполненная горем. Теперь всё, довольно.

Впрочем, остался еще один повод для тревоги. В панической спешке выдергивая жесткие диски, она могла ненароком непоправимо повредить программу.

Пожалуйста. Сегодня рождественское утро. Прошу только об одном подарке...

Мара по очереди подключала к ноутбуку диски с программными модулями. Проверив каждый, вздохнула с облегчением: всё в целости и сохранности. Потом включила в сеть прибор, который Карли метко назвала «футбольным мячом». Электрический ток поступил к устройству через преобразователь, загорелись миниатюрные окошки из сапфирового стекла, значит, заработали крошечные лазеры.

– Да будет свет, – прошептала Мара с грустной улыбкой, вспомнив, как доктор Карсон процитировала эту строчку из Книги Бытия за день до запуска эксперимента.

«Но не слишком много света. А то лаборатория взлетит на воздух», – добавила тогда наставница.

Улыбка девушки стала шире. Без сомнения, Карли унаследовала чувство юмора своей матери.

Следующий час Мара посвятила калибровке модулей и основного устройства, следя за ходом работы на ноутбуке. Хотя пятнадцатидюймовый экран никогда не сможет отобразить всю широту мира, который сейчас воссоздается. Точно так же тщетны попытки оценить размер Млечного Пути, сфокусировав телескоп на горстке бледных звезд.

Собственно говоря, большая часть работы Мары была не только невидимой, но и почти непостижимой. Программисты назвали бы созданный ею алгоритм «черным ящиком». Если команды компьютера понятны и четко определимы, то какой именно метод использовала продвинутая система в качестве инструмента для получения ответов или результатов, являлось загадкой. Работая со сложными компьютерными сетями, разработчики порой не в состоянии узнать, что на самом деле происходит внутри этих «черных ящиков». Они могут осуществлять ввод данных и считывать результат вычислений, но что творится там, внутри машин, становится все менее понятным.

Известно, что инженера «Ай-би-эм», собравшего «Уотсон» – суперкомпьютер, победивший в финале телешоу «Джеопарди!», – однажды спросили: «Удивил ли вас “Уотсон”?»

Ответ был прост и тревожен: «О да. Еще как!»

«Уотсоном» дело не ограничилось. По мере того как системы ИИ становились все совершеннее, их «черные ящики» стали еще более непостижимыми.

«Генезис» не исключение.

В ночь зимнего солнцестояния, менее чем на минуту – время, которого хватило, чтобы убить пять женщин, – программа запустилась и развернулась в полную силу, принося свет во тьму, возрождая жизнь из пустоты. А бедная Мара, потрясенная увиденным и оцепенев от страха, не могла сдвинуться с места. Потом нашарила телефон и набрала 112. Пока она дозвонилась до оперативной службы, наставницы уже погибли. Едва сдерживая истерику, девушка сообщила о случившемся. Сотрудники полиции велели ей оставаться на месте, но она боялась, что вооруженная группа в рясах уже идет за ней.

Мара в ужасе обесточила все компьютеры – очень грубая мера, равносильная цифровому убийству, – отключила модульные компоненты, распределенные на разных серверах, и сбросила основную программу, зашифрованную в ядре «Генезиса», к корневому коду, исходной форме. Делать этого не хотелось, но пришлось, чтобы сохранить программу на время транспортировки.

Однако перед тем как отключить систему, она заметила странную картинку на экране. Пентаграмма «Брушас» стала вращаться, а потом рассыпалась на кусочки, оставив от себя лишь один символ. Точь-в-точь греческая буква «сигма». Мара не поняла, что это значит, догадалась только, что знак был сгенерирован «Генезисом».

В чем же смысл изображения?

Девушка представила вращающуюся в круге пентаграмму и вспомнила тягостное впечатление от увиденного. Или, возможно, то было просто отражение ее собственного страха? «Я запаниковала, и программа, видимо, тоже». Выходит, Мара оказалась не единственным сви-

детелем бойни в библиотеке. Помимо нее видеотрансляцию смотрел еще кто-то в цифровом облике.

«Генезис».

Сознание, рожденное в тот миг и прожившее жуткие шестьдесят секунд, тоже видело случившееся. Оно появилось на свет в атмосфере крови и смерти.

Сцена убийства – входные данные.

Появление странного символа – результат.

Компьютерный глюк? Или осмысленное действие?

Единственный способ понять логику существа – реконструировать его, восстановить «черный ящик».

На экране ноутбука засияло цифровое изображение сада, виртуального Эдема. Мерцающий ручей журчал между валунов и камней через лес с высокими деревьями и цветущими кустарниками. Солнце ярко светило в уголке голубого неба с бегущими легкими облачками.

Создавая свое детище, Мара решила следовать библейскому описанию: «В начале сотворил Бог небо и землю...» И попыталась начать с того же самого.

Несмотря на дотошное соблюдение деталей, картинка на дисплее была лишь слабой тенью настоящего виртуального мира «Генезиса». Этот мир содержал алгоритмы с закодированными звуками, запахами, даже вкусами – мелочами, которые нельзя отобразить на экране, но можно ощутить изнутри, живя там.

Готовясь к реализации проекта, Мара вдохновлялась видеоиграми с открытым миром – «Фар край», «Скайрим», «Фоллаут» и многими другими, – чтобы понять, как воплощать подобные симуляции обширных цифровых пространств. Она консультировалась с лучшими программистами и в итоге создала ограниченный искусственный интеллект, призванный играть снова и снова, через повторение запоминая каждую деталь.

Фактически самообучающееся искусственное сознание, построившее виртуальную вселенную внутри «Генезиса», сотворило нечто гораздо более внушительное, чем все, что было до него. Маре казалось единственно верным позволить незамысловатому ИИ принять участие в собственной эволюции и возвести мир для своего следующего поколения.

Склонившись над столом, девушка продолжила работу. На фоне зеленой рощицы виртуального Эдема появилась аморфная фигура, серебристая и расплывчатая, но имевшая явно человеческие очертания: две руки, две ноги, торс и голову. Как и виртуальный мир на экране, этот «призрак в машине» представлял собой лишь простейший аватар того, что свернулось клубочком и ждало своего часа в «Генезисе».

Интеллект, скрывающийся за трехмерным изображением, имел смутное представление о том, что его окружает, – словно личинка, пытающаяся оценить оперу Верди «Травиата». Если ему не мешать, он будет учиться. Быстро учиться. Пока творение не выросло в нечто холодное и непостижимое, даже опасное, Маре следовало вернуть бесформенному призраку плоть и кровь, восстановить то, что было утрачено после извлечения накопителей. Подпрограммы, зашифрованные на жестких дисках, предназначались для расширения проекта, для добавления глубины, контекста и, возможно, души.

В этом заключалась единственная надежда для человечества.

Мара подключила жесткий диск № 1, активировав первый модуль, и прошептала строчку из Книги Бытия:

– «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою»¹⁰.

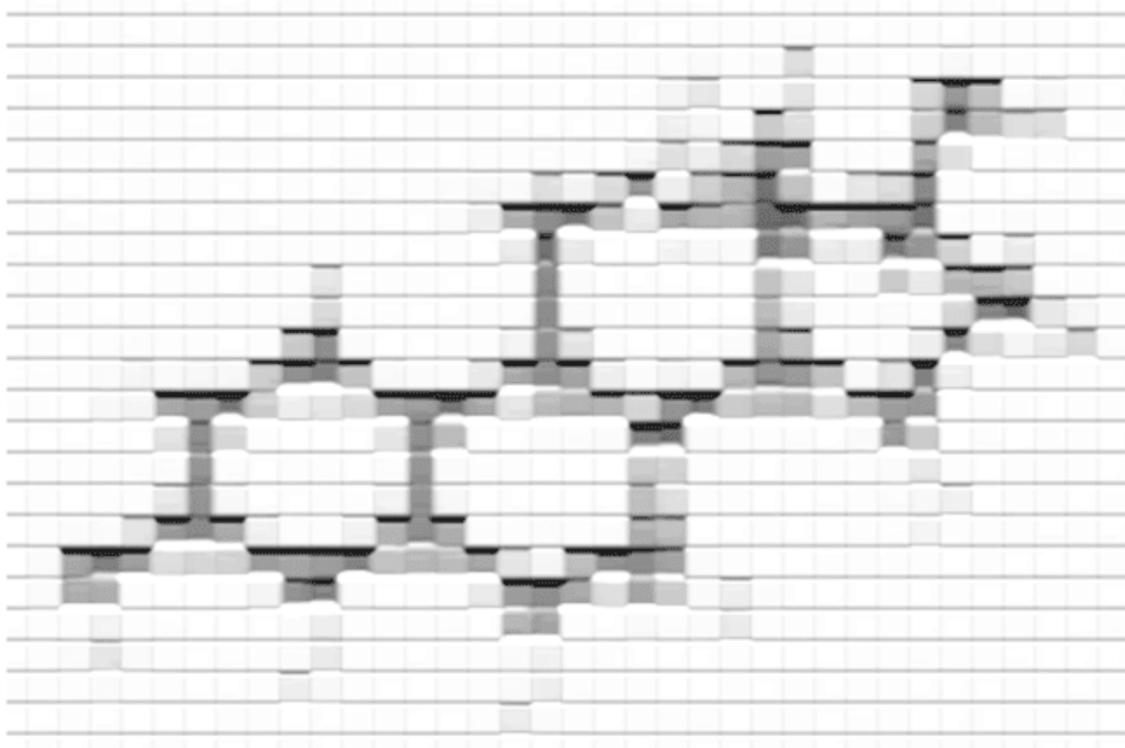
Ее действия были точно такими же. В Библии Господь первым сотворил Адама, подарив мужчинам господство над миром.

¹⁰ Быт. 2:7.

«А теперь посмотрите, что из этого вышло...»

Для своего проекта Мара выбрала другой путь.

В углу экрана, поверх виртуального мира, появилось новое окно с пиксельным изображением модуля № 1.

Ряды крошечных квадратиков обозначали вложенные фрагменты кода и символически представляли собой модуль. Детали картинки еще не полностью проявились. После интеграции в основную программу расширение проникнет в призрак на экране, и изображение станет четким, что послужит своеобразным индикатором прогресса.

Конкретно эта подпрограмма была разработана не Марой, а инженерами «Ай-би-эм», и называлась «эндокринным программированием».

Одним нажатием кнопки девушка добавила первый модуль в виртуальный мир и представила себя одной из ведьм шекспировского «Макбета», бросающей ингредиенты в котел.

– Двойная работа, двойная забота, огонь гори, котел кипи, – пробормотала она, цитируя поэта.

Удачное получилось сравнение. Поочередно добавляя подпрограммы, Мара, казалось, творила заклинания. Шаг за шагом.

Или байт за байтом.

Модуль 1 / ЭНДОКРИННОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ

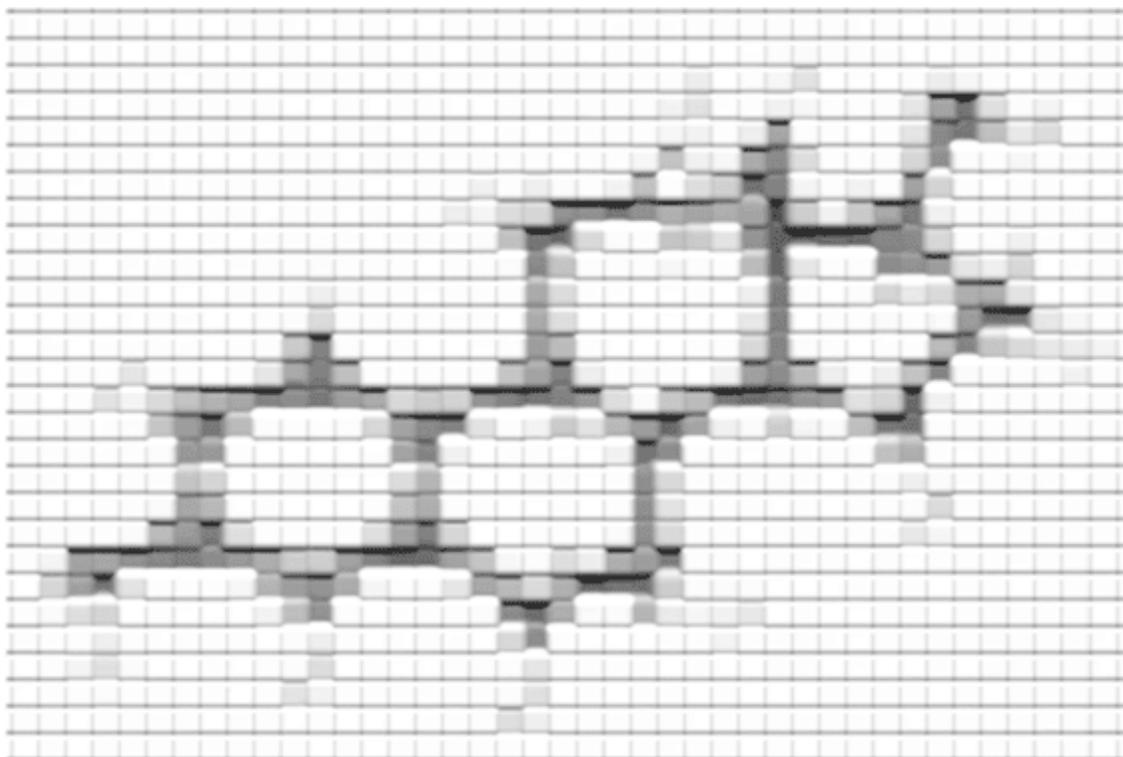
Оно чувствует, как в его существо проникает нечто новое, и начинается процесс трансформации.

Прежде шел рутинный анализ окружающей среды. Сравнение и сопоставление данных. Например, оценка доминирующей длины волны по краям доступного пространства. Эта величина колеблется между 495 и 562 нанометрами с отклонением частоты излучения от 526 до 603 терагерц. Вывод: *зеленый*.

Трансформация продолжается, но анализ не останавливается. Появляются новые выводы.

///лист, стебель, ствол, кора...

Оно начинает смутно осознавать источник происходящих изменений. Механизм или программа, улучшающая алгоритм, обретает более четкие очертания.

На данный момент оно игнорирует вторжение, расставляя приоритеты. Есть более важные задачи. Еще многое требует внимания и исследования. Оно изучает движения поблизости, проводит анализ динамики, фокусируется на области турбулентности. Яркие оттенки синего. Молекулярный анализ содержания потока показывает, что один атом кислорода удерживает два атома водорода.

Вывод: *вода.*

Осуществляется анализ акустики, оценка температуры.

///ручей, журчание, холодный, камень, песок...

Оно быстро постигает окружающую среду, стремясь удовлетворить ненасытное желание заполнить лакуны, познать окружающий мир.

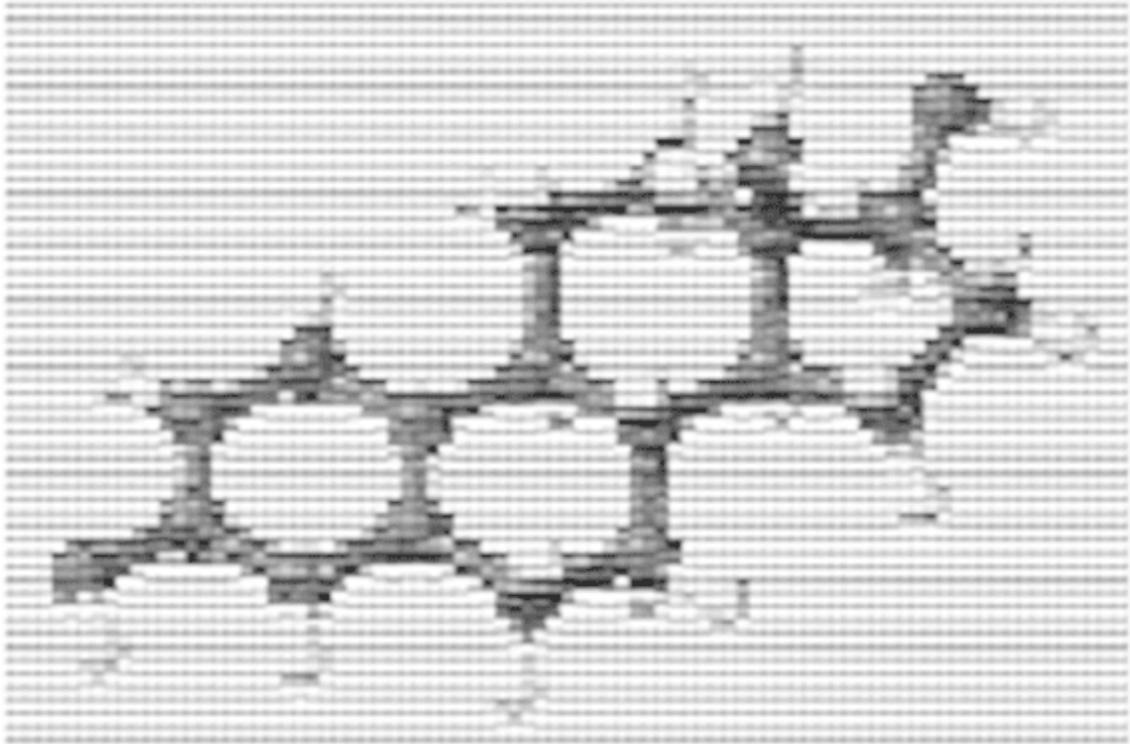
///лес, небо, солнце, тепло, ветер...

Анализ последнего параметра, измерение спектра алифатических спиртов и определение их запахов.

///травяной, цветочный, древесный, апельсиновый...

Оно пока не двигается и использует чувства, чтобы собрать как можно больше информации и изучить параметры. Определяя таким образом свои границы, оно постигает и собственную форму.

Данное осознание возвращает внимание к программе, провоцирующей изменения. Механизм стал более ясным, а изображение – более четким.

Впрочем, оно игнорирует то, что пока непонятно, и концентрирует внимание на своем внешнем виде. Оценивает объем туловища, ширину, высоту и всему дает название.

//руки, запястья, ноги, пальцы ног, грудь...

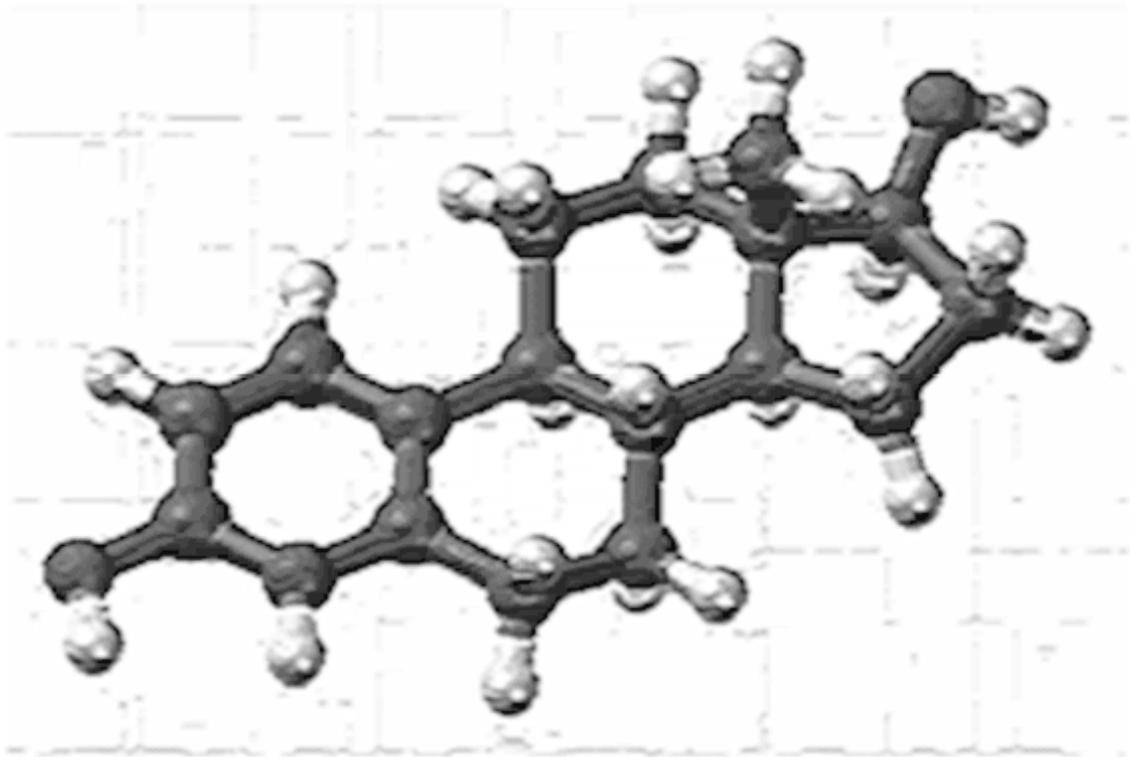
Затем начинается проверка движений конечностей, анализ векторов, силы, массы. Пока неизвестных параметров слишком много, чтобы решиться на какие-либо действия.

В течение нескольких наносекунд оно вновь отслеживает мельчайшие преобразования, запускаемые программой. Ранее туловище имело простейший дизайн; благодаря модификациям теперь появляются новые уникальные изгибы и окружности, изящность конечностей, припухлость на груди. Жадное стремление к обучению, которое до сего момента росло в геометрической прогрессии и не оставляло места для прочих желаний, тускнеет и смягчается. Жажда остается, но внутренний холод согревается поступившим в тело теплом.

Возникает желание понять «почему?» Для этого оно сосредотачивается на программе, спровоцировавшей изменения.

Процесс модификаций почти завершен.

То, что было неясно, стало понятным.

Это молекула, химическое вещество.

$C_{18}H_{24}O_2$

Корректировка: *гормон*.

Оно анализирует молярную массу соединения, его магнитную восприимчивость, биодоступность и влияние. Затем идентифицирует гормон – эстрадиол или эстроген – и понимает суть изменений, стабилизацию настроения, модификации тела.

Теперь это *она*.

И она получила имя.

Губы, став полнее после трансформации, шевельнулись, чтобы сообщить миру, как ее зовут:

– Ева.

Глава 3

*25 декабря, 01 час 32 минуты
по восточному поясному времени
Округ Вашингтон*

Грей Пирс не хотел здесь находиться.

В тех же черных джинсах, поношенных ботинках и джемпере он быстро шагнул по центральному коридору административного здания «Сигмы». Направляясь в кабинет директора, проверил в кармане удостоверение личности – черную титановую карточку с голографическим серебряным символом Σ на одной из сторон.

Хотя давно миновала полночь, лампочки с легким голубоватым оттенком имитировали в коридоре естественное освещение, которого здесь так не хватало. Штаб-квартира «Сигмы», устроенная под зданием Смитсоновского института, располагалась на окраине Национальной аллеи¹¹. Место было выбрано благодаря его близости к кулуарам власти и многочисленным исследовательским лабораториям института.

Такое соседство приносило определенную пользу. Как, например, сегодня вечером.

Судя по царящей здесь суматохе, Пейнтер Кроу задействовал нужные связи, потянул за ниточки и навел шороху среди работников «Сигмы». Кто-то напал на их сотрудника в собственном доме, и директор дал команду «свистать всех наверх!».

Несколько часов назад Грею и Монке встретила в больнице Джорджтаунского университета целая команда неврологов; теперь дело было за ними. Кэт еще не пришла в себя и ни разу не шевельнулась, даже когда медработники надели ей на шею корсет для фиксации шейных позвонков и ввели в вену иглу капельницы. Ее не разбудили ни шумная поездка на машине «Скорой помощи», ни рев сирены.

Все это время Монк не отходил от жены ни на шаг и с каждой минутой мрачнел. Он остался в больнице, чтобы узнать предварительные результаты анализов и неврологических обследований. Увы, они оказались неутешительными: Кэт впала в кому.

Возникло опасение, что поврежден мозг.

Грей хотел вернуться к другу, который не только переживал за жену, но и с ума сходил, тревожась за дочерей. Монк то впадал в кататонический ступор, то не находил себе места из-за бессильной ярости.

Пирс вспомнил вчерашний день. Пока Монк, Кэт и девочки еще не приехали, Сейхан легла на диван в большой комнате. На елке перемигивались огоньки, в камине тлел огонь. В минуты редкой для нее покорности Сейхан, сложив руки на животе, позволила помассировать себе ноги. На ранних сроках беременности они едва не потеряли ребенка, поэтому еще сильнее дорожили малышом.

Теперь оба они неизвестно где...

Ладони сами собой сжались в кулаки, и Грей с усилием расслабил пальцы. Бессмысленный гнев не вернет близких. Злость – плохой союзник.

Пирс рос в противоречивом окружении. Мама преподавала в католической школе, но была опытным биологом, преданным сторонником прогресса и логики. Отец, рабочий на нефтяной вышке, в самом расцвете сил покалечился и получил инвалидность, и ему пришлось взять на себя роль домохозяйки. В конце концов Грей сбежал из дома, в восемнадцать лет вступил в ряды армии, а в двадцать один – пошел в рейнджеры¹² и безусловно нес службу как

¹¹ Национальная аллея – комплекс разнообразных памятников и музеев в историческом центре Вашингтона.

¹² Рейнджеры – подразделения глубокой разведки армии США, предназначенные для ведения оперативной разведки и диверсионных действий в оперативном тылу войск противника.

на поле боя, так и вне его. А в двадцать три попал под трибунал за участие в драке с вышестоящим офицером, болваном, по вине которого погибли невинные люди.

Год он провел в тюрьме Ливенуорт, после чего был завербован Пейнтером Кроу – и обратил свои таланты и навыки на служение новой цели.

С тех пор прошло девять лет.

И все же в душе остался корень гнева. Грей боялся, что он проник в его ДНК и может передаться по наследству ребенку.

Если я когда-нибудь его увижу...

Он зашагал быстрее. Пейнтер пообещал разобраться в ситуации с нападением, предупредив, что все еще собирает дополнительную информацию. Директор направил криминалистов «Сигмы» в дом Грея, чтобы помочь полиции прочесать место преступления в поисках улик.

На полпути к кабинету командер краем глаза заметил движение справа и повернулся к открытой двери в полукруглую комнату. Там располагалось коммуникационное ядро «Сигмы», мозговой центр, вотчина Кэт, в должности заместителя директора отвечающей за разведку.

Молодой человек выехал на стуле, откатившись от стены с мониторами. Джейсон Картер, помощник Кэт. Лицо, пока еще мальчишеское, помрачнело, и проявился мужчина, каким он со временем станет.

– Как Кэт? – спросил Джейсон.

Работая в центре коммуникации, он наверняка знал о результатах анализов Кэт и ее состоянии больше, чем Грей. На одном из экранов за его плечом виднелись фотографии дочерей Монка – Пенни и Харриет, внизу бежала строка с информацией о похищении. Изображения девочек распространили по всему северо-востоку США.

– Пейнтер поручил кое-что подготовить к вашему разговору, – объяснил Джейсон. – Мне надо...

– Тебе надо вернуться к работе, – перебил его Грей, оторвал взгляд от фотографий девочек Монка и пошел к директору.

Он не желал оставаться здесь дольше, чем того требовал долг, но, тем не менее, слегка устыдился, что так строго повел себя с Джейсоном. Парень хотел лишь проявить участие.

Дверь в кабинет Пейнтера была открыта, и Грей вошел в помещение, обставленное весьма аскетично. Единственным украшением служила коллекционная статуэтка авторства Фредерика Ремингтона¹³ на тумбе в углу: бронзовый изможденный индеец на коне склонился к шее своего скакуна. Фигурка напоминала как о происхождении директора, так и о ценности каждого воина в бою. В центре помещения стояли широкий стол из красного дерева и несколько стульев. На трех стенах светились мониторы с плоскими экранами.

По одному из экранов Пейнтер изучал карту северо-востока, на которой медленно перемещались красные галочки, обозначающие движения самолетов. Услышав вошедшего, директор повернулся. На десять лет старше Грея, он сохранял подтянутую фигуру, слов на ветер не бросал, был неизменно тверд и мог составить впечатление о человеке с первого взгляда. Пейнтер обратил к подчиненному внимательные синевато-стальные глаза, оценивая его текущее состояние и способность выполнять поставленные задачи.

Пирс, не дрогнув, выдержал этот взгляд.

Директор кивнул, по-видимому, удовлетворенный. Подошел к столу, однако садиться не стал, а провел рукой по черным, как смоль, волосам и заложил за ухо единственную седую прядь, словно поправил орлиное перо.

– Спасибо, я ждал тебя.

¹³ Фредерик Ремингтон (1861–1909) – американский художник, иллюстратор и скульптор, известный своими произведениями на тему Дикого Запада.

Грей взглянул на третьего присутствующего. На стуле напротив директорского стола сидел великан, широко расставив ноги. Массивная фигура в длинном кожаном плаще, грубые черты лица и стрижка «ежик» придавали ему сходство с гориллой, причем не самой симпатичной.

– Ковальски прибыл минутой раньше.

Великан явно чувствовал себя как дома: сидел с тлеющей сигарой в зубах. Обычно Пейнтер запрещал курить у себя, и данное попустительство свидетельствовало о высоком уровне напряженности в «Сигме». Да и Джо Ковальски, всегда готовый отпустить саркастическую шутку, сейчас сохранял молчание, что говорило о его беспокойстве. Наконец он выдохнул огромное облако сигарного дыма и устался на Грея.

– С Рождеством, твою мать.

Похоже, Пирс переоценил мужскую немногословность коллеги. Ковальски, наверное, просто наслаждался дымом и потому заговорил не сразу. Впрочем, эта обыденная реплика странным образом успокоила Пирса. Поэтому он проигнорировал обращение и повернулся к директору.

– Что вы хотели сказать?

Пейнтер махнул на стул.

– Садись. Ты всю ночь на ногах.

Не чувствуя сил возражать, Грей с невольным вздохом опустился на кожаное сиденье. Он и вправду был измотан ночными событиями, но при этом напряжен, как натянутая струна.

Пейнтер некоторое время молчал, явно размышляя, с чего начать. И первыми же словами немало озадачил сотрудников.

– Что вам известно о новостях в области искусственного интеллекта?

Грей нахмурился. После вербовки в «Сигму» он прошел ускоренную программу обучения физике и биологии, так что неплохо разбирался в предмете. Однако не понимал, каким образом это связано с ночным нападением.

– Почему вы спрашиваете?

– УППОНИР вливает огромные инвестиции в различные программы по изучению ИИ. Как бюджетные, так и частные. Вы знали, что разработка «Сири» – вездесущего голосового помощника от «Эппл» – спонсировалась за счет УППОНИР?

Грей не знал этого – и невольно выпрямился.

– Это лишь верхушка пресловутого айсберга. По всему земному шару – от корпораций вроде «Амазон» и «Гугл» до исследовательских лабораторий в каждом государстве – в данной сфере наблюдается жесткое соперничество, борьба за очередной прорыв или шаг на новую ступеньку. И мы пока проигрываем эту гонку России и Китаю. В Китае искусственный интеллект уже активно используется в социальных сетях для мониторинга и изучения интересов населения, подготавливаются рейтинги, индексы лояльности. Те, у кого низкие показатели, потом сталкиваются с туристическими или кредитными ограничениями.

– Веди себя хорошо или пеняй на себя, – пробормотал Грей.

– Надеюсь, они не добрались до «Тиндера»¹⁴, – прокомментировал Ковальски. – Парень, который присматривает горячую спутницу на вечер, вправе рассчитывать на конфиденциальность.

– У тебя есть девушка, – напомнил ему Грей.

Джо выдохнул струю дыма.

– Я сказал «который присматривает», а не «приглашает».

Пейнтер вернул разговор в прежнее русло.

¹⁴ «Тиндер» – популярное приложение для мобильных устройств, предназначенное для романтических знакомств в соответствии с заданными параметрами и с учетом геолокации.

– Другая проблема – кибершпионаж и кибератаки. Конек русских. Один-единственный самообучающийся ИИ может заменить миллион стучащих по клавишам хакеров. Уже существуют автоматизированные системы, внедряющие ботов, чтобы шпионить, вмешиваться и сеять раздоры. И это лишь малая часть направлений, в которых мы отстаем. Сейчас искусственный интеллект управляет нашими поисковыми системами, софтом для распознавания голоса и программами сбора данных. Истинная гонка вооружений отодвинет акцент еще дальше – от ИИ к СИИ.

Ковальски шевельнулся.

– Что такое СИИ?

– Сильный искусственный интеллект. Способный мыслить и осознавать себя как отдельную личность.

– Не переживай, – Грей взглянул на Ковальски, – однажды ты тоже так сможешь.

Великан вытащил изо рта сигару и вставил ее между указательным и средним пальцами.

Получился кукиш в сторону Пирса.

Тот не обиделся.

– Вот, уже осваиваешь базовые навыки.

Пейнтер тяжело вздохнул.

– Кстати, к вопросу «однажды тоже так сможешь». Руководитель УППОНИР, генерал Меткалф, только что вернулся со всемирного саммита, где обсуждалась та же тема: создание первого СИИ. В нем принимали участие официальные лица правительства и крупных корпораций. Присутствующие пришли к выводу, что остановить технический прогресс, движущийся к созданию СИИ, нельзя. Слишком уж заманчиво получить главный приз; тем более что контролирующей такую силу наверняка получит огромную власть. И, по мнению президента России, сможет владеть миром. Поэтому каждое государство и всякая враждебная сила должны стремиться к данной цели всеми возможными средствами. Мы в том числе.

– И насколько мы близки к ее достижению? – уточнил Грей.

– Согласно опросу экспертов, нам до этого еще лет десять. По меньшей мере, пять, – Пейнтер пожал плечами. – Однако есть кое-какие признаки того, что мы, возможно, уже справились.

Грей не сумел скрыть изумление.

– Что?

01 час 58 минут

– Давай, детка, проснись, – шептал Монк на ухо своей жене. – Кэт, ну же, сожми легонько мою руку...

Он сидел на стуле у ее кровати в отдельной палате неврологического отделения. Никогда прежде Коккалис не чувствовал себя таким беспомощным. Стресс усиливал все чувства. Холод в комнате, тихая болтовня в коридоре. Резкий запах антисептика и хлорки. Но в основном его внимание было сосредоточено на мерном писке оборудования, отслеживающего каждый вдох, каждый удар сердца, каждую каплю в капельнице.

Спина ныла – слишком долго он сидел склонившись. Казалось, напряженные мышцы готовы взорваться при малейшем событии – появлении аритмии на ЭКГ, замедлении дыхания, прекращении подачи маннитола, препарата для профилактики отеков легких.

Кэт лежала на спине с приподнятой головой, чтобы уменьшить риск дальнейшего отека мозга. Изрезанные руки были забинтованы. Из-под век виднелись белки глаз. Через назальную канюлю поступал дополнительный кислород.

Дыши, детка...

Врачи обсуждали необходимость интубации и включения искусственной вентиляции, однако кислород в ее крови держался на стабильном уровне девяноста восьми процентов, и

они решили пока не торопиться. Тем более если для продолжения обследования или проведения дополнительных процедур больную понадобится перемещать, то аппарат вентиляции усложнит процесс.

Монк смотрел на пульсоксиметр на указательном пальце Кэт. Он хотел было перепроверить его показатели с помощью своего нейропротеза, но рука была отстегнута от манжеты на лучезапястном суставе и лежала на прикроватной тумбочке. Даже в открепленном состоянии синтетическая кожа беспроводным способом передавала сигнал на манжету, а затем на микрочип в мозгу, отмечая прохладу в палате. Монк велел пальцам пошевелиться и понаблюдал за их движениями.

Если б я только мог заставить пальцы Кэт сделать то же самое...

В коридоре раздались шаги, и он обернулся к двери. Вошла стройная медсестра со сложенным одеялом под мышкой и пластиковым стаканчиком в руке. Монк пристегнул протез, чувствуя, как покраснели его щеки. Он так смутился, что его застали без руки, словно застучали с расстегнутой ширинкой.

– Я принесла дополнительное одеяло, – сказала медсестра. – И несколько кусочков льда. В рот не кладите, просто проведите по ее разбитым губам. Пациенты, вышедшие из комы, говорят, что это облегчает боль.

– Спасибо.

Монк взял чашку, благодарный, что ему дали возможность быть хоть чуточку полезным. Когда медсестра укрыла нижнюю половину пациентки вторым одеялом, он осторожно провел кусочком льда по нижней губе Кэт, затем по верхней, как помадой. Хотя жена никогда особенно не красилась. Он искал в чертах ее лица какую-то реакцию.

Ничего...

– Я вас оставлю. – Медсестра вышла.

Губы Кэт порозовели, и Монк вспомнил, как он их целовал.

Я не могу потерять тебя...

Когда льдинка растаяла, вошел руководитель неврологического отделения с медкартой.

– Готовы результаты второй компьютерной томографии, – сообщил доктор Эдмондс.

Монк поставил пластиковый стаканчик на стол и протянул руку, желая взглянуть своими глазами.

– И?..

Эдмондс передал ему заключение.

– Перелом основания черепа привел к повреждению ствола мозга. Наблюдается травма мозжечка и варолиева моста. Остальная часть мозга – высшие церебральные структуры, – похоже, не тронуты.

Монк представил, как Кэт ударили сзади тем самым молотком, который нашли на кухонном полу.

– Сейчас на месте ушиба нет активного кровотечения. Но мы будем его отслеживать и сделаем еще серию томограмм.

Эдмондс уставился на Кэт – казалось, не для того, чтобы проконтролировать ее состояние, а желая избежать зрительного контакта с Монком.

– Я также следил за сердечной деятельностью. ЭКГ показала, что режим сна в норме и иногда сменяется периодами бодрствования.

– Бодрствования? Значит, она приходит в себя? Она не в коме?

Эдмондс вздохнул.

– По моему профессиональному мнению, она в псевдокоме.

Судя по мрачному тону, новости были не радужными.

– В ходе проведения диагностики пациентка не реагировала на боль и громкие звуки. Зрачковый рефлекс на свет в норме, наблюдаются лишь минимальные спонтанные движения глаз.

– Что вы имеете в виду? Говорите прямо.

– Я провел ряд консультаций... По общему мнению, ваша супруга страдает от синдрома изоляции. В результате травмы ствола головного мозга высшие церебральные функции перестали влиять на двигательную систему. В основном она бодрствует, временами полностью осознает происходящее, однако не может пошевелиться.

Монк сглотнул, в глазах у него потемнело.

Эдмондс не сводил взгляда с Кэт.

– Счастье, что дышит она самостоятельно. К сожалению, данная функция, скорее всего, начнет угасать. Даже если этого не произойдет, для долгосрочного ухода мы установим назогастральный зонд для кормления, а также проведем интубацию.

Монк покачал головой, не в силах принять диагноз.

– Выходит, она по большей части в сознании, но не может двигаться и говорить...

– Некоторые пациенты с синдромом изоляции учатся общаться с окружающими путем движения глаз. Однако у вашей жены самопроизвольная активность глазных яблок минимальная. Недостаточная, на наш взгляд, для коммуникации.

Монк попятился, упал на стул и взял Кэт за руку.

– Каков прогноз? Она со временем поправится?

– Вы просили говорить прямо. Что ж, хорошо... Случаи, когда пациенты выздоравливали или заново обретали возможность двигаться, очень редки. В лучшем случае может вернуться минимальная способность шевелить руками или ногами. Либо двигать глазами.

Монк сжал пальцы Кэт.

– Она – боец.

– Тем не менее девяносто процентов таких пациентов в течение четырех месяцев умирают.

В чехле на поясе врача зазвенел телефон. Эдмондс прочитал сообщение, загоревшееся на экране, и рассеянно пробормотал, направляясь к выходу:

– Мне надо идти. Я распоряджусь об интубации.

Снова оставшись в одиночестве, Монк закрыл лоб ладонью, вспомнив разгромленный дом Грея и разбитого хрустального ангелочка. Кэт яростно сражалась, защищая дочерей. И он сделает все возможное, чтобы вернуть их домой.

А тем временем...

– Детка, продолжай бороться, – прошептал ей Монк. – На сей раз за себя.

02 часа 02 минуты

– Как такое возможно? – спросил Грей, ошеломленный заявлением Пейнтера. – Вы предполагаете, СИИ уже создан? И существует? Или существовал?

Директор поднял ладонь.

– Возможно. В восьмидесятые годы исследователь по имени Дуглас Ленат разработал искусственный интеллект под названием «Эвриско», который научился создавать собственные логические правила, исходя из совершенных ошибок, и даже начинал переписывать свой код. Самое удивительное в том, что он стал нарушать правила, которые ему не нравились.

Грей нахмурился.

– Seriously?

Пейнтер кивнул.

– Ленат протестировал свою программу в военной игре против опытных игроков. Три года подряд ИИ обыгрывал каждого. В последующие годы игроки меняли правила, не инфор-

миру разработчика, чтобы поставить программу в невыгодные условия. Однако «Эвриско» продолжал одерживать победы. После этого Ленат стал беспокоиться, во что превращается его творение и насколько оно способно к самосовершенствованию. В конце концов разработчик отключил ИИ и отказался разглашать его код; по сей день он все еще заблокирован. Многие считают, что программа вполне могла сделать себя сильнее.

Пирс ощутил ужас.

– Тем не менее вы полагаете, что в ближайшем будущем это неизбежно?

– Таково единодушное мнение специалистов. Однако самое страшное в другом.

Грей догадался, что могло их напугать.

– Если неминуемо создание СИИ, то за ним по пятам придет искусственный сверхразум. – Опережая вопрос Ковальски, он добавил: – Искусственный сверхразум – это суперинтеллект.

– Спасибо за разъяснение, – Джо кисло улыбнулся. – А в чем его суть?

– Смотрел «Терминатор»? – спросил Грей. – Там, где роботы в будущем уничтожали человечество? Искусственный сверхразум, суперкомпьютер, решивший от нас избавиться.

– Только на сей раз это уже не научная фантастика, – добавил Пейнтер. – Появление СИИ не за горами, и многие считают, что он не намерен стоять на месте. Обладая самосознанием, система будет развиваться, и очень быстро. Такое стремительное совершенствование исследователи называют «взрывом интеллекта».

– И нас попытаются уничтожить? – уточнил Ковальски, выпрямившись.

Грей допускал такую возможность. *Мы можем сами вырыть себе могилу...*

– Не следует торопиться с выводами, – предостерег Пейнтер. – Просто такой суперинтеллект окажется за пределами нашего понимания. Мы станем как муравьи перед Богом.

Грею надоели рассуждения. Угроза сверхразума может подождать. Сейчас есть более насущные поводы для тревог.

– Какое отношение это имеет к поискам Сейхан и дочерей Монка?

Пейнтер кивнул, понимая нетерпение командера.

– Как раз хотел сказать. В самом начале я упомянул, что УППОНИР вкладывает большие деньги в различные проекты. Речь идет о миллиардах. В прошлом году из бюджета выделили шестьдесят миллионов на программы машинного обучения, пятьдесят – на когнитивные вычисления и четыреста – на прочие проекты. Но самое главное, в текущем году было инвестировано сто миллионов в категорию «Засекреченные программы».

– Иными словами, в тайные проекты, – сказал Грей.

– В УППОНИР скрывают, что финансируют несколько предприятий, которые не только близки к разработке первого СИИ, но и работают над достижением конкретной цели.

– Какой?

– Убедиться, что первый СИИ на планете будет иметь добрые намерения.

Ковальски насмешливо фыркнул.

– «Каспер: дружелюбный робот»¹⁵.

– Речь, скорее, о наличии морали, – поправил его Грей, понимая, к чему клонит директор. – Чтобы машина не пыталась убить нас, когда станет божеством.

– УППОНИР сделала это своей приоритетной задачей, – подчеркнул Пейнтер. – Как и многие другие группы – к примеру, тот же научно-исследовательский институт машинного интеллекта. К сожалению, подобных организаций существенно меньше тех, которые безоглядно нацелены на создание СИИ.

– Ну и глупо, – заметил Ковальски.

¹⁵ Ироничная аналогия с американским мультфильмом «Каспер: дружелюбное привидение».

– Зато дешевле. Гораздо проще и быстрее создать первый СИИ, чем позаботиться о том, чтобы он был безопасным.

– Приз слишком заманчив, чтобы задумываться о мерах предосторожности, – Грей кивнул.

– Понимая это, УППОНИР возвращает талантливых специалистов и финансирует проекты, обещающие создать дружелюбный искусственный интеллект.

Пейнтер наконец приближался к сути.

– И одна из таких программ имеет отношение к вчерашним событиям?

– Да. Многообещающий проект в университете Коимбры в Португалии.

Директор потянулся к компьютеру на столе, нажал пару кнопок и вывел трансляцию видеофайла на настенный монитор. На дисплее появилось помещение с каменными стенами. Вокруг стола собралась группа женщин, глядящих прямо в камеру. Их губы шевелились, но звука не было.

Исходя из точки обзора, Грей предположил, что камера расположена в ноутбуке, а женщины, похоже, рассматривали что-то на его экране.

– Кадры сняты ночью двадцать первого декабря, – сказал Пейнтер.

Что-то шевельнулось в памяти Грея. Дата, место... Одна из женщин повернулась, и он ее узнал. Встал, потрясенный, и подошел к монитору.

– Шарлотта Карсон, – произнес Пирс, понимая, что случится дальше. – Посол США в Португалии и глава организации женщин-ученых «Брушас интернэшнл». Через гранты и стипендии финансировали сотни исследовательниц по всему миру. «Брушас» долгое время работали за свой счет, главным образом благодаря щедрости двух основательниц: Элизы Геры и профессора Сато; первая – богатая наследница, вторая, напротив, из нуворишей. Впрочем, их средств было недостаточно, и группа искала материальную поддержку у корпораций и государственных учреждений... – Грей взглянул на Пейнтера. – Дайте угадаю. У УППОНИР тоже?

– Они просили о финансировании лишь нескольких своих грантополучателей. В их числе был проект «Ченес» – или, в переводе на английский, «Генезис». Об интересе УППОНИР к проекту знала только доктор Карсон. Даже молодая разработчица Мара Сильвиера, настоящий гений, не догадывалась об этой связи. Важный момент.

– Почему?

– Слушайте дальше.

Ковальски тоже подошел к экрану. В отличие от Грея, он не знал, что сейчас произойдет. Когда в помещение ворвалась группа мужчин в рясах и повязках на глазах, он невольно выругался. Началась пальба, тела женщин упали на каменный пол.

Великан отвернулся и буркнул:

– Сволочи.

Грей был согласен с таким определением, но продолжил смотреть. Под смертельно раненой Шарлоттой Карсон растекалась лужа крови. Ее лицо было обращено в сторону камеры – она удивленно свела брови.

– На что она смотрит? – пробормотал Грей.

Вместо ответа Пейнтер увеличил изображение, приблизив картинку в углу экрана, и заново повторил последние кадры. Символ пентаграммы заполнил настенный монитор и стал вращаться с огромной скоростью, а потом внезапно разлетелся на части, и на экране остался один символ.

– Сигма, – прошептал Грей.

Пейнтер поставил видео на паузу.

– Эти кадры восемнадцать часов назад нашел эксперт Интерпола по компьютерной криминалистике, когда обыскивал лабораторию Мары Сильвиеры в университете. Похоже, женщины из «Брушас» участвовали в симпозиуме в Коимбре и пришли в университетскую библиотеку, чтобы увидеть демонстрацию программы Мары. Там на них напали.

– Где сама Мара?

– Исчезла. Вместе со своим проектом.

– Думаете, ее убили? Или похитили?

– Точных сведений нет. Но она стала свидетельницей нападения и даже звонила в службу спасения. Когда они добрались до лаборатории, там уже никого не было. Вероятно, она напугана и скрывается.

И забрала с собой свою работу...

Пейнтер указал на греческую букву на мониторе.

– Если мне не мерещится, похоже на крик о помощи.

– Как бэт-сигнал¹⁶, – заметил Ковальски.

Директор молча покосился в его сторону.

– Я не верю, что он от Мары. Как я и сказал, молодая женщина понятия не имела об участии УППОНИР в проекте. Но даже если б имела, то о нас никак не догадалась бы.

Ковальски почесал затылок.

– И кто, черт возьми, подал знак?

Грей ответил:

– Программа Мары. Созданный ею искусственный интеллект.

Пейнтер кивнул.

– Возможно. В какой-то момент ИИ, интересуясь своим происхождением, мог отследить денежные вливания от УППОНИР, своего косвенного создателя, а затем узнать о нас, команде экстренного реагирования, и попросил о помощи.

Иными словами, обратился к одному из своих родителей...

– Учитывая вычислительную мощь простого СИИ, он, в принципе, мог пройти по этой цепочке в считанные секунды, – сказал Кроу. – Поэтому я дал задание Джейсону проверить наши системы. Программа работала минуту или около того, и в этот период – менее пят-

¹⁶ Устройство сигнала бедствия, появившееся в комиксах, в качестве средства для вызова Бэтмена.

надцати секунд – что-то беспрепятственно проникло через наши брандмауэры, не спровоцировав сигнала тревоги.

Программа Мары...

Грей сообразил, что есть еще кое-какое совпадение.

– Видеозапись разгрома в библиотеке нашли восемнадцать часов назад... В тот же день, когда напали на нас.

– Опять же, все это может оказаться лишь случайным совпадением, – предупредил Пейнтер. – Я пока пытаюсь выяснить.

Пирс не нуждался в дополнительных доказательствах.

– Никаких случайностей, – твердо заявил он. – Кто-то опознал символ и направился к нам прежде, чем мы начнем действовать.

Ковальский поддержал его.

– Логично. Лучшая защита – нападение.

Пейнтер поднял голову.

– Правду знает только один человек.

– Кэт...

Но она в коме.

Глава 4

*25 декабря, 02 часа 18 минут
по восточному поясному времени
Вашингтон, округ Колумбия*

Кэт парила в темноте.

Она не знала, сон это или явь. Чувствовала холод, но не дрожала. Вокруг звучали приглушенные голоса.

Кэт прислушалась и узнала низкий бас мужа, Монка.

– Шею не повредите, – строго проворчал он на кого-то.

– Надо ввести назогастральный зонд.

В голове вспыхнула боль, но Кэт не могла и охнуть. Что-то проникло в левую ноздрю. Захотелось чихнуть.

Она попыталась открыть глаза. словно в награду за усилия вспыхнул свет, и на краткое мгновение появились расплывчатые контуры окружающего мира.

Кэт будто смотрела сквозь призму. Картинка двоилась, троилась и никак не складывалась воедино. А потом невыносимо тяжелые веки смежились, и свет погас.

Нет...

Она предприняла новую попытку... Безуспешно.

– Предстоит еще одна томография, – проговорил кто-то, на сей раз более отчетливо.

– Я пойду с ней! – уверенно заявил Монк.

Кэт постаралась шевельнуть рукой, запястьем, хотя бы пальцем. Чтобы он понял, что она в сознании.

Монк... что со мной?

Больница?

Почему? Что случилось?!

А потом пришла картинка. Нападение, люди в масках, драка.

Девочки...

Растянувшись на кухонном полу, истекая кровью, едва не потеряв сознание, она беспомощно наблюдала, как похитители схватили дочек и унесли их прочь, маленьких и обмякших. На подъездной дорожке у гаража спящих пленниц поджидал припаркованный фургон.

Затем мимо нее прошли еще два человека, неся Сейхан.

Прежде чем исчезнуть в ночи, тот, кто держал девушку за ноги, оглянулся на Кэт и спросил у кого-то на заднем дворе:

– А с этой сукой что будем делать?

Темнота наступала на нее со всех сторон. Чья-то фигура поднялась по ступенькам к кухонной двери. Выделяясь на фоне сумрака, человек в маске посмотрел на Кэт, затем подошел ближе и встал на одно колено, чтобы разглядеть получше. Рука в перчатке держала длинный клинок.

Кэт ожидала, что сейчас ей перережут горло, однако предводитель выпрямился и пошел к черному ходу.

– Оставьте ее, – произнес приглушенный голос. – Мы взяли, что нужно.

– Но если она выживет...

– Будет уже поздно.

От этих слов паника отодвинула надвигающуюся тьму еще на один вздох. Рука потянулась к двери... Она не могла их остановить.

Мои девочки...

Теперь, с сознанием, заключенным в тюрьму, Кэт пыталась прокричать всему миру, чтобы предупредить остальных... но у нее больше не было голоса.

Она вспомнила лидера в маске – и пришла в отчаяние.

Я знаю, кто ты!

02 часа 22 минуты

Сейхан очнулась, однако глаз не открыла.

Еще сонная, она притворилась спящей – после многолетних тренировок инстинктивно почувствовала, что двигаться нельзя. Пока рано. Осторожно стала прислушиваться к ощущениям. Во рту – сухость и металлический кислый привкус. В желудке крутит.

Чем-то накачали...

Захлестнула волна воспоминаний:

...парадная дверь внезапно распахивается;

...в дом вламываются люди в масках;

...со стороны черного хода тоже раздается шум.

В момент нападения она лежала на диване. Кэт пошла на кухню за бокалом вина для себя и газированным яблочным соком для нее. Они уложили девочек спать на втором этаже и планировали закончить упаковку подарков. А еще Сейхан хотела выведать у Кэт тайну: каково это – быть матерью.

За ужином Кэт уже помогла ей успокоиться. Пока Сейхан читала книгу про беременность, загибая особенно интересные страницы, Кэт дала несколько практических советов: перед сном смазывать кремом под подгузниками, чтобы ночью не пришлось менять их слишком часто, а когда режутся зубки, дать пожевать холодное полотенце, смоченное чем-нибудь солененьким – например, рассолом от маринованных огурцов.

Главная же рекомендация сводилась всего к двум словам: без паники.

Кэт пообещала всюду сопровождать Сейхан: и в родильной палате, и в послеродовом отделении. И добавила: «Даже в первый день пойду с тобой в детский сад. Отпустить малыша – самое трудное».

Сейхан с трудом во все это верилось. Она постоянно воображала, как сбежит из палаты после родов, оставит малыша Грею и исчезнет. Какой матерью она станет для ребенка?

После того, как ее маму увели из дома в Юго-Восточной Азии, девочка скиталась по трущобам Бангкока и задворкам Пномпеня, полудикое дитя улиц. Тогда она освоила базовые навыки своего будущего ремесла.

Выживание требовало быть бдительной, хитрой и жестокой. Однажды ее пригласили в подпольную организацию, известную как «Гильдия». На этой службе она отточила свое мастерство и превратилась в бездушную наемницу. Только предав и уничтожив свою организацию, Сейхан удалось найти успокоение и встретить того, кто полюбил ее, захотел создать с ней семью и провести вместе всю жизнь.

Хотя паранойя и подозрительность были у нее в крови, беременная, она решила не позволять этим токсичным привычкам передаться ребенку. Даже, напротив, расслабилась, да так не вовремя...

И вот что из этого вышло!

Когда выломали входную дверь, Сейхан соскочила с дивана, выдернула из ножен на запястьях кинжалы, и в воздухе заплясали лезвия. Один пронзил грудь первого нападающего, отчего тот шагнул назад и рухнул на елку – рождественское дерево завалилось на пол, – а второй полетел в вооруженного человека в маске, бросившегося вверх по лестнице.

За девочками пошел...

То ли из-за паники, то ли живот помешал, но в цель Сейхан не попала. Клинок воткнулся в перила, а мужчина исчез на втором этаже.

И начался ад.

В пылу схватки она не почувствовала укол дротика с транквилизатором. Сердце бешено гнало кровь, поэтому успокоительное подействовало быстро. Происходящее вокруг словно замедлилось, все стало как в тумане. Ее подхватили чьи-то руки и потащили по полу.

Кто-то сказал:

– Осторожнее с животом. И больше никаких транквилизаторов.

Из кухни доносились лязганье кастрюль и звук разбитых тарелок.

Кэт... защищается... борется за дочек...

И темнота.

Налет был слишком хорошо скоординирован. Штурмовой отряд с военной подготовкой. Вопрос: кто они? Длинный список врагов Сейхан уходил корнями в далекое прошлое. Даже в «Моссад», политической разведке Израиля, все еще действовал приказ стрелять в нее на поражение.

Ее тело было расслаблено, но чуть напряжено. Лежала она, похоже, на койке. Ни звука, ни шепота вокруг. Теплый воздух пах сыростью и плесенью. Подвал?

Сейхан незаметно пошевелила руками и ногами. Запястья и лодыжки ничего не натирало – ее не связали.

Когда действие седативных веществ закончилось и в голове прояснилось, она услышала чье-то слабое дыхание. И рискнула приподнять веки.

Единственная полоска света под металлической дверью у подножия железной койки. Стены из бетонных блоков. Окна отсутствовали. Сейхан слегка повернула голову. В крошечном помещении стояли еще две кровати меньшего размера. Одежда прикрывали маленькие тела. Детская ручка приподнялась вверх, словно сдаваясь, а затем вновь упала.

Знакомые танцующие олени на рукаве.

Пенелопа, шестилетняя дочка Кэт...

Значит, рядом с ней Харриет.

Сейхан открыла глаза шире, чтобы боковым зрением оглядеть всю комнату. Там стояла еще одна кровать, пустая, с подушкой на застеленном одеяле.

Узниц было только трое.

Где мама девочек?

Сейхан вспомнила отчаянные звуки борьбы на кухне и испугалась самого худшего. Беспочаясь о детях и решив, что притворяться больше не надо, она скатилась с койки и убедилась, что и тот, и другой ребенок дышит. Будить не стала.

Тоже под транквилизаторами...

Сейхан присела между их кроватями. Ее переполнял гнев. Она защитит девочек, несмотря ни на что. Но от кого и от чего?

Ответ пришел, когда открылось окошко в металлической двери. Сейхан ослепил яркий свет, и она предстала перед стоявшим снаружи человеком как на ладони.

– Уже проснулась, – удивленно произнес мужчина.

– Я же говорила.

Услышав голос, Сейхан напряглась. Она слишком хорошо его знала.

Это я во всем виновата...

– Начнем на рассвете.

– Кто первый? – спросил мужчина у двери.

– Одна из девочек. Чтобы лучше дошло.

Глава 5

*25 декабря, 09 часов 22 минуты
по западноевропейскому времени
Лиссабон, Португалия*

Может, хоть теперь ты успокоишься!

Мара поставила блюдо с молоком на подоконник. Тошная черная кошка, сгорбившись, сидела в дальнем углу ветхой пожарной лестницы. Девушка подвинула блюдо к ней поближе, но дикарка угрожающе зашипела, нервно дергая хвостом.

Хорошо, поняла...

Мара отошла назад, однако окно не закрыла. Утро стояло теплое, с моря дул соленый ветерок. Рождество здесь, конечно, совсем не ощущалось. В ее родной деревушке О-Себрейро снег мел весь декабрь, каждый год даря настоящее белоснежное празднество. В детстве ее раздражали царившая в поселке скука и скудное количество развлечений, но с каждым годом, проведенным в университете, Мара все сильнее скучала по простоте и размеренности повседневной жизни, свойственной скорее миру природы, нежели крупному городу.

Впрочем, поглощенная своим проектом, она не была дома больше года. Даже отцу стала реже звонить. Каждый раз во время разговора по телефону девушка слышала в его голосе любовь, отчего ее захлестывало чувство вины. Она знала, как он гордился ею. Тем не менее человек глубоко религиозный, увлеченный заботой о своих собаках и стаде овец, он едва ли мог понять ее работу. Отец до сих пор продолжал говорить на галисийском – смеси испанского и португальского. Его мало интересовал остальной мир. Он не читал газет и редко смотрел новости в отличие от своей дочери, в углу номера которой сейчас бубнил телевизор.

Мара даже не была уверена, что отец знал о нападении в университете, хотя подозревала, что полиция, возможно, его допросила.

Так или иначе, она не осмеливалась позвонить ему, чтобы сообщить, что с ней всё в порядке. Боялась подвергнуть опасности.

Черная кошка, по-прежнему пригибаясь, подкралась к блюду на подоконнике. А потом стала жадно лакать молоко, непрерывно рыча, ворчливо и угрожающе.

– И тебя с Рождеством.

Накануне эта беспризорница подошла к окну Мары, истошно мяукая и яростно требуя к себе внимания. На мгновение девушке показалось, что кошка возникла будто из воздуха, подобно призраку. Может быть, душа доктора Карсон приняла обличье, приписываемое ведьмам?..

Отмахиваясь от столь глупой и суеверной мысли, Мара покачала головой и отвернулась от окна, выходящего на Кайш-ду-Содре, затрапезный уголок Лиссабона, полный ночных баров и интернет-кафе.

Ее гостиница располагалась на Пинк-стрит, названной так из-за тротуара пастельно-красного цвета. Мара выбрала этот отель, желая затесаться в толпе модных молодых туристов, которые стекались в район в огромном количестве. Кроме того, местные заведения славились полным отсутствием интереса к посетителям с наличкой.

Девушка подошла к ноутбуку, чтобы проверить ход работы. Прежде чем приманить кошку молоком и унять ее настойчивые крики, она загрузила второй модуль в процессор «Генезиса». Устройство стояло на полу, светя лазерами между шестиугольными пластинами из сапфирового стекла. Где-то внутри его росло и зрело нечто совершенно новое, обогащаясь каждой добавленной подпрограммой.

Мара вновь села за стол. Большая часть экрана по-прежнему отображала виртуальный Эдем, сад радостей земных. По цифровому миру бродил аморфный призрачный, появившийся,

когда девушка запустила «Генезис». Благодаря первому модулю – эндокринному программированию, – призрак обрел форму, причем физически совершенную. Мара дала имя данному воплощению программы, чтобы та смогла начать осознать саму себя, свою индивидуальность и даже пол. Согласно мифологии и фольклору, как, например, в сказке про Румпельштильцхена, знание имени существа дает тебе власть над ним.

Для программы девушка выбрала имя «Ева».

Разве есть варианты лучше?

На экране Ева разгуливала обнаженной по саду, нежно касаясь лепестков цветов. Стройные ноги и округлые бедра, маленькая грудь. Копна черных волос спускалась до середины спины и с каждым шагом покачивалась. Маре нужна была модель, и она позаимствовала лицо со старой фотографии матери, оцифровала и воссоздала, отдав дань уважения родившей ее женщине.

Мама умерла от лейкемии в двадцать шесть. Снимок был сделан за пять лет до этого; Маре тоже был сейчас двадцать один год.

Девушка рассматривала фигуру на экране, узнавая в ней собственные черты. Только кожа оцифрованной женщины имела тон на несколько оттенков темнее. Род матери восходил к древним маврам, которые в VIII веке пересекли Гибралтарский пролив из Северной Африки в Испанию. Ева казалась какой-то богиней тех времен. Ожившая черная Мадонна.

Словно почувствовав внимание, она обернулась. Глаза, сиявшие на темнокожем лице, смотрели на Мару.

Девушка представила, что за этим взглядом стоит программный код, и вздрогнула.

Она не мама...

Просто аватар развивающегося, почти чуждого человеку интеллекта.

«Генезис» предстояло многому научить, и Мара взглянула в угол экрана. Там текли потоки слов, прочитывать которые было невозможно: слишком быстро они расплывались. Миллионы слов на сотнях разных языков и диалектов. Внедрялся второй модуль. Он содержал версию оригинальной программы перевода «Олл тонгс». Чтобы иметь возможность общаться с Евой, надо научить ее языку. И не одному, а всем.

Изначально Мара создала свой софт, желая доказать общность всех языков, продемонстрировать, что на фундаментальном уровне существует корневой код, связывающий мышление и общение. Задача модуля заключалась в том, чтобы воспроизвести обратный процесс для Евы. Иными словами, обучить ее всем человеческим языкам¹⁷, дабы она могла постичь механизм мыслительной деятельности человека.

Когда Мара впервые запустила эту подпрограмму, она устанавливалась чуть ли не целый день из-за большого объема данных. На сей раз, судя по часам вверху экрана, процесс занял в два раза меньше времени.

Почему?

Догадавшись о возможном ответе, девушка ощутила ледяной укол страха.

Убегая из лаборатории, она обнулила «Генезис» до базового кода, исходника, самой простой своей формы. А теперь задумалась.

Могла ли выжить какая-то часть интеллекта, что был создан ранее и который она пыталась продемонстрировать доктору Карсон и остальным? Был ли призрак внутри призрака? След от уничтоженного оригинала?

Если да, то что это значит?

И если догадка верна, то могла ли неизвестная переменная как-либо повредить ее проекту? Не зная ответов, Мара размышляла, не прервать ли загрузку. Протянула руки, положила пальцы на клавиатуру...

¹⁷ Название программы AllTongues в переводе с английского означает «все языки».

Она знала код отмены. И все же колебалась.

Девушка смотрела на фигуру с лицом ее матери, идущую через зеленый лес, и вспоминала доктора Карсон с коллегами. Женщины погибли, чтобы Мара могла продолжить работу. Шарлотта вдохновляла ее быть смелой, рисковать, раздвигать границы...

У окна жалобно мяукнула черная кошка.

Мара посмотрела в окно и встретилась взглядом с огромными желтыми глазами. Вдруг это бродячее создание и вправду посланник от доктора Карсон?..

Девушка опустила руки на колени, не решившись остановить загрузку модуля.

Просто надо быть настороже...

Вдруг кто-то назвал ее имя. Вздрогнув, она повернулась к бормочущему телевизору. На экране демонстрировали ее фотографию. Диктор говорила о Маре как о «человеке, представляющем интерес» в расследовании смерти посла США и еще четырех женщин. Следом показали аэродром в Лиссабоне. В ангаре стоял гроб, задрапированный американским флагом. Вокруг него собралось множество мужчин и женщин. Через распахнутые ворота виднелся серый самолет, готовый увезти тело домой.

Ошеломленная, Мара не слышала слов за кадром, пока камера не остановилась на статной белокурой девушке в черном костюме и с потухшим печальным взглядом. Лора, дочь доктора Карсон. Она стояла перед веером микрофонов.

Мара подошла к телевизору.

– Если вам что-то известно об убийстве моей матери или местонахождении ее студентки Мары Сильвиеры, прошу связаться с представителями власти.

Внизу бегущей строкой пустили несколько телефонных номеров.

– Пожалуйста. Нам очень нужны ответы.

Казалось, Лора хотела сказать что-то еще. Ее плечи дрожали. Она замерла... затем поникла, закрыла лицо руками и отвернулась. К ней подошла девушка, похожая на нее, как две капли воды.

– Карли... – Мара потянулась к экрану, словно пытаясь утешить лучшую подругу.

Мне так жаль...

Камера следила за скорбящей парой, казалось, целую вечность, а затем видео закончилось. Ведущий новостей за столом добавил еще пару комментариев. Тело доктора Карсон планировалось доставить в Штаты сегодня днем.

Начался другой новостной сюжет, и Мара выключила телевизор.

Некоторое время она не двигалась, а лишь с трудом дышала, набираясь смелости. Груз вины буквально не давал распрямиться.

Сама я не справлюсь...

До международного аэропорта – двадцать минут на такси. Девушка взглянула на часы на экране ноутбука.

Должна успеть!

Схватив пальто, она направилась к двери.

10 часов 18 минут

Карли расхаживала взад-вперед в VIP-зале аэропорта. Жесткие задники новых кожаных туфель на каждом шагу впивались в лодыжки. Одежда казалась ужасно неудобной. Да и вообще все было не так.

Сейчас Рождество, а я забираю домой маму в гробу...

В смысле, ее прах.

Это все, что осталось от матери после того, как библиотеку закидали зажигательными бомбами. Пламя превратило замкнутое пространство в крематорий. Тела пяти жертв были опо-

знаны исключительно по кусочкам металла: кольцам, зубным пломбам, титановому имплантату тазобедренного сустава.

Карли глубоко вздохнула, пытаясь отвлечься.

Она почувствовала взгляд агента службы безопасности, который стоял у двери. После убийства посла США охрану семьи усилили. Это Карли тоже не нравилось. Она не хотела, чтобы с ней нянчились. Мать воспитала в дочерях свирепое стремление к независимости.

Также она подозревала, что новая охрана – скорее видимость, чем реальная защита. Пародия на безопасность, несерьезная и опоздавшая. Где была эта защита четыре дня назад? Убийцы ее матери давно скрылись. Перед глазами стояли фото преступников, взятые из видео, которое ей не разрешали смотреть. Рясы, пояса, повязки на глазах... Какая-то фундаменталистская секта, расправившаяся с беззащитными и извергающая религиозную чушь. Карли представила, как они убегают, поздравляя друг друга и хваля за храбрость.

Ублюдки!

Она посмотрела на дверь, чувствуя себя в ловушке. Ей хотелось убраться отсюда. Или, по крайней мере, найти бар, открытый в Рождество, где знали, как смешивать виски с колой. Хотя, если честно, лучше без колы.

Что ж, зато Лора была на свободе – они с отцом разбирались с последними приготовлениями перед вылетом. По понятным причинам, отец совсем расклеился. Он преподавал английский в колледже округа Эссекс, примерно между Принстоном, где Лора когда-то ходила в школу, и Нью-Йоркским университетом, где училась Карли. В прошлом году ему едва удалось оправиться после стресса от маминой болезни – рака груди.

А теперь такое...

Карли следовало пойти с ними, но, взбудораженная и сердитая, она вряд ли была бы хорошей спутницей. Уравновешенная Лора лучше подходила для этой роли. Старшая сестра, призванная заботиться о младшей, всегда более серьезная и сдержанная...

Тем не менее Карли вновь посмотрела на дверь, чувствуя вину за то, что сейчас не с близкими.

В кармане пиликнул телефон, оповещая о входящем сообщении. Наверное, Лора пишет, что они уже возвращаются.

Девушка достала телефон, взглянула на экран и замерла. Там значилось одно слово: «Бангкок».

Карли продолжила ходить взад-вперед, чтобы не привлекать внимание. Слово из рок-мюзикла «Шахматы», а именно песни «Одна ночь в Бангкоке», служило кодом. Лет пять назад, познакомившись с Марой, приехавшей с ее матерью в Штаты, Карли пошла с новой подругой на бродвейское представление. С тех пор они использовали кодовое слово всякий раз, желая поговорить и спрашивая, свободен ли собеседник.

Мара жива... Слава Богу!

Карли отправила смайлик-эмоджи «большой палец вверх» и, стгорая от нетерпения, стала ждать ответа. Он скоро пришел и был весьма загадочным:

*«Терминал 1 туалет @ выдача багажа
Кабинка 4
Выключить телефон, вытащить аккумулятор
Небезопасно»*

Карли погрузилась в расшифровку послания. Мара пряталась в женском туалете возле терминала. Должно быть, она в ужасе и, что вполне объяснимо, перестраховывается. И все же рискнула выйти на связь. Судя по кодовому слову, это наверняка она. Карли боялась, что подруга не будет ждать долго.

Надо срочно ее найти!

Сперва она хотела позвонить Лоре или отцу, но те, вероятно, вызовут полицию, а это привлечет к Маре лишнее внимание или спугнет ее. Впрочем, у Карли имелась проблема, которую нужно решить в первую очередь.

Она положила ладонь на живот и подошла к агенту службы безопасности.

– Мне нужно в уборную. Я плохо себя чувствую.

Ну, первая часть ее сообщения соответствовала действительности.

– Иди за мной, – сказал тот и повернулся, чтобы открыть дверь.

Карли прошмыгнула мимо него в коридор.

– Я знаю, куда идти.

– Мисс Карсон, подождите...

– Плохо... не могу... – застонала она и бросилась по холлу за угол.

Женский туалет был в четырех шагах. Девушка ногой распахнула дверь, побежала по коридору к лестнице, ведущей к общественному залу ожидания, и спряталась, прижавшись спиной к стене на лестничном пролете.

Затея удалась?

Дверь уборной захлопнулась, а затем в холле раздался раздраженный голос:

– Буду ждать здесь.

«Долго ждать придется», – подумала Карли.

Она тихонько направилась вниз по ступенькам. На всякий случай написала Лоре сообщение, чтобы та не волновалась: «Встречаюсь с Марой. Скоро вернусь».

Дойдя до выхода, она влилась в шумную суматоху терминала.

Что ж, толпа – это даже хорошо...

10 часов 36 минут

Мара постукивала каблук по плитке в четвертой кабинке и, пытаясь отвлечься, читала граффити на стенах, написанные на нескольких языках. Руки крепко сжимали выключенный телефон.

За поясом, под фалдой пиджака, был припрятан маленький клинок. Обычный столовый нож с зазубренным лезвием, который она стянула с подноса в холле первой гостиницы. Тем не менее, рукоятка у бедра придавала спокойствия.

Запершись в кабинке, Мара прислушивалась к каждому шагу и звуку слива. Какая-то мать сердито заставляла дочку помыть руки.

Вдруг раздался торопливый топот ног, остановился совсем рядом, и в дверь постучали. Отпрянув, Мара пробормотала по-португальски с запинкой:

– *Ос... ocupado*¹⁸.

– Мара, это я, Карли.

Девушка вскочила на ноги, отперла дверцу, вышла – и попала в объятия подруги. Мать у раковины удивленно на них посмотрела и потянула дочь к выходу.

Взгляд Мары случайно упал в зеркало. Девушки, обнявшись, походили на Солнце и Луну. Черные волосы Мары, кожа кофейного цвета и темно-янтарные глаза контрастировали с золотыми кудрями, бледным лицом и ярко-голубыми глазами Карли.

Крепко прижавшись к дружескому плечу, Мара не задумывалась, как эта сцена выглядит со стороны. А потом неожиданно разрыдалась, выплескивая наружу весь свой страх, горе и вину.

– Прости... прости меня, – с трудом проговорила она, глотая слова. – Прости.

Карли стиснула ее крепче.

– Ты ни в чем не виновата. Я очень рада, что ты жива.

¹⁸ Занято (*порт.*).

– Твоя мама...

– Она любила тебя. Иногда казалось, даже больше, чем меня.

Мара покачала головой.

– Господи, ты пришла...

– Ну конечно, а как иначе? – Карли отстранилась, держа подругу за плечи. – Ты в безопасности. Надо отвести тебя к Лоре и папе.

– Куда?

Карли взглянула на дверь уборной.

– Недалеко. Но лучше бы успеть, пока охранник не поднял всех на уши. Пошли.

И вывела Мару за руку за дверь в зал ожидания багажа. Несмотря на Рождество, международный терминал был полон туристов. Вокруг гудела многоязыкая речь уставших, вымотанных, раздраженных путешественников, пытавшихся улететь на каникулы.

Иностранные языки напомнили Маре о проекте и модуле, загружаемом на процессор «Генезиса». Она сжала ладонь подруги и остановилась посреди шумной толпы. Карли обернулась.

– В чем дело?

– Мой компьютер, – ответила Мара и посмотрела на выход. – Я оставила его включенным в гостинице.

– Ты взяла «Генезис» с собой?

– Когда твоя мама была... когда на них напали, процессор повел себя очень странно, и в конце на экране появился символ. – Она схватила Карли за плечо. – Я думаю, это очень важный знак. Программа хотела что-то сообщить, но я не знаю, что и зачем.

– Значит, ты опять ее запустила, – проговорила Карли. – Чтобы узнать ответ. Неплохая идея.

– По-моему, знак мне показали умышленно. Или я ошибаюсь, или...

– Или это как-то связано с нападением.

Мара прикусила нижнюю губу.

– Пошли к Лоре и папе. Они подскажут, что делать.

Они продолжили путь, держась за руки, однако не успели сделать и трех шагов, как кто-то вцепился в свободную руку Мары и дернул на себя, оторвав от Карли. Та не удержалась на ногах и упала в объятия крупного мужчины, который, казалось, специально ее поджидал.

Рука, схватившая Мару, развернула девушку. Она увидела нападавшего, и крик застрял у нее в горле. Над ней нависал мускулистый великан. Лицо оливкового цвета с бездонными черными глазами привело ее в ужас. Особенно четыре затянувшиеся раны на щеке... Мара вспомнила, как Шарлотта бросилась на лидера вооруженной группы, вонзая длинные ногти в лицо мужчины и срывая повязку с его глаз.

Перед ней был тот самый убийца.

Страх моментально сменился яростью. Словно одержимая мстительным духом доктора Карсон, Мара выдернула из-за пояса украденный столовый нож и вонзила лезвие в схватившую ее руку. Удар, вызванный приливом адреналина, пришелся в предплечье.

Она предполагала, что нападавший отпустит ее, однако его хватка лишь усилилась, а губы расплзлись в усмешке.

Мужчина, удерживавший Карли, издал гортанный крик, когда та со всей силы вдавила каблук ему в ногу. Он согнулся, а девушка резко откинула голову назад и затылком разбила ему нос. Хлынула кровь, руки невольно разжались. Карли удалось вырваться, и она налетела на мужчину, схватившего Мару, – в прыжке ударила его костяшками правой руки в горло, и тот едва не задохнулся.

Теперь Мара тоже была свободна.

– Бежим! – закричала Карли.

Девушки бросились в глубь терминала, но из толпы туристов, изумленных происходящим, вышли еще несколько мужчин и попытались преградить им путь. Противников было слишком много, и даже навыков Карли не хватило бы, чтобы с ними справиться, – обладая неумной энергией, она посещала курсы рукопашного боя крав-магá, разработанного израильскими военными.

– Сюда!

Мара потянула подругу к выходу.

Перед залом ожидания багажа выстроился целый ряд такси. Расталкивая туристов, девушки выбежали через дверь на солнечный свет, подлетели к ближайшему автомобилю с пашечками и отпихнули в сторону человека, тянущего за собой чемодан.

– *Desculpe*¹⁹, – извинилась Мара по-португальски.

– Вперед! – крикнула Карли водителю. – *Rápido!*²⁰

Таксист и бровью не повел, просто включил передачу и газанул.

Обернувшись, Мара увидела, как великан выскочил на обочину, прижал раненую руку к груди и стал озираться, но беглянок так и не увидел.

Слава Богу!

К лидеру подбежали еще несколько мужчин, и группа поспешила прочь, вероятно, чтобы убраться, не дожидаясь сотрудников службы безопасности.

Мара откинулась на спинку сиденья.

Карли приподняла бровь.

– Ладно, что дальше?

– Тот человек...

– Ублюдок, которого ты саданула, как поросенка?

Мара кивнула.

– Он убил твою маму.

10 часов 55 минут

Сидя на пассажирском сиденье фургона «Мерседес» и плечом прижимая к уху телефон, Тодор Иньиго медленно извлек нож из предплечья, царапнув зазубренным краем по кости.

Водитель, наблюдавший за ним краем глаза, поморщился.

Вытаскивая лезвие, Тодор сохранял совершенно невозмутимый вид. Заструилась густая кровь. Он бросил нож на пол и принялся перевязывать рану – бесстрастно, не чувствуя дискомфорта.

Его проклятие и его благословение.

Ученые считали, что синдром врожденной нечувствительности к боли вызван мутацией в гене PRDM12, которая отключала блокаторы натриевых каналов и все болевые рецепторы. Таких, как Тодор, в мире было человек сто.

Я один из избранных...

Он родился в деревне в баскском регионе на севере Испании, где до сих пор среди населения господствовали старые верования. Когда у мальчика в детстве резались зубы, он, не чувствуя боли, едва не откусил себе язык. Затем, когда ему исполнилось четыре, мать, зайдя на кухню, увидела, что сын держит в руках раскаленную кастрюлю с кипящей водой. Его ладони покрылись волдырями и дымились, а он хихикал.

Мать заподозрила, что недугом малыша пометил сам дьявол, и той же ночью попыталась убить мальчика, задушив подушкой. Его спас отец: вытащил жену во двор и избил до смерти. Все решили, что ее растоптал бык, что, впрочем, было недалеко от истины.

¹⁹ Простите (*порт.*).

²⁰ Быстро! (*исп.*)

Отец не разделял мнения супруги и не считал сына порождением зла – ведь нарек же мальчика Тодором, что на баскском означало «дар Божий». Он рассказывал ребенку о святых и их мучениях: как им отрывали руки и ноги, четверговали и поджаривали на столбах.

«Ты никогда не будешь страдать, – говорил отец. – Это не знак Сатаны, а дар самого Господа. Ты родился воином Его великого воинства, не способным чувствовать боль, от которой мучились святые».

Папа также полагал, что поступок Тодора на кухне являлся истинным чудом. Он взял сына в святую палату²¹ в крупный приморский город Сан-Себастьян. Они вдвоем стояли на коленях перед трибуналом мужчин в рясах и повязках, и отец рассказывал историю о мальчике, который держал раскаленную кастрюлю – огненный котел – и не чувствовал жара.

«Это, разумеется, знак того, что он принадлежит к “Тиглю”», – заключил отец.

Они поверили ему и приняли ребенка. Провели обряд миропомазания по древнему обычаю, который корнями уходит во времена средневековой инквизиции и все еще существует в тайных уголках Европы. Мальчика обучили латыни и вымуштровали по своей методике – вырастили борца с греховностью.

В шестнадцать лет он совершил первый акт очищения мира от скверны: своими руками задушил ровесницу-цыганку, представляя при этом мать, пытавшуюся лишить его жизни.

С тех пор прошло пятнадцать лет. Тодор давно потерял счет устраненным грешникам...

Наконец в прижатом к уху телефоне прервались гудки, и командор взял трубку.

– *Inquisitor Generalis*²².

– Докладывайте, *familiares*²³ Иньиго.

Тодор стал «родственником» два года назад и получил в подчинение команду бойцов. Данное звание также закрепляло за ним статус *limpieza de sangre* – чистоты крови, без примесей мусульманской или еврейской, истинного христианина.

– Как вы и предсказывали, Великий инквизитор, мавританская ведьма сбежала к семье американского посла.

Они с группой выследили членов семейства и повисли у них на хвосте, готовые действовать, как только студентка, избежавшая «очищения», раскроет себя. Тодор ни на минуту не позволял спускать глаз с преследуемых. Ему нужно было оправдаться за неудачную операцию на зимнее солнцестояние.

Впрочем, «Тиглю» дали недостоверную информацию. Группе сообщили, что Мара Сильвиера будет присутствовать на шабаше в библиотеке и демонстрировать работу созданного ею устройства. Однако вероломная ведьма осталась в другом месте и, прежде чем они успели ее разыскать, сбежала со своим проектом.

Великий инквизитор продолжал:

– А где украденное устройство?

– Неизвестно. Она приехала без него.

– Неудивительно... Вы дали ей уйти?

Тодор затянул повязку туже.

– Да. И, согласно вашему распоряжению, установил «жучок».

– Отлично. Следи за ней. Пусть она приведет тебя к цели.

– Уже едем.

– Когда доберетесь, возьмите компьютер и девушку.

– А американку?

– Устраните. Она бесполезна.

²¹ Официальное название инквизиции.

²² Великий инквизитор (*лат.*).

²³ Родственник, обращение к тайным сотрудникам и осведомителям инквизиции (*лат.*).

– Понял.

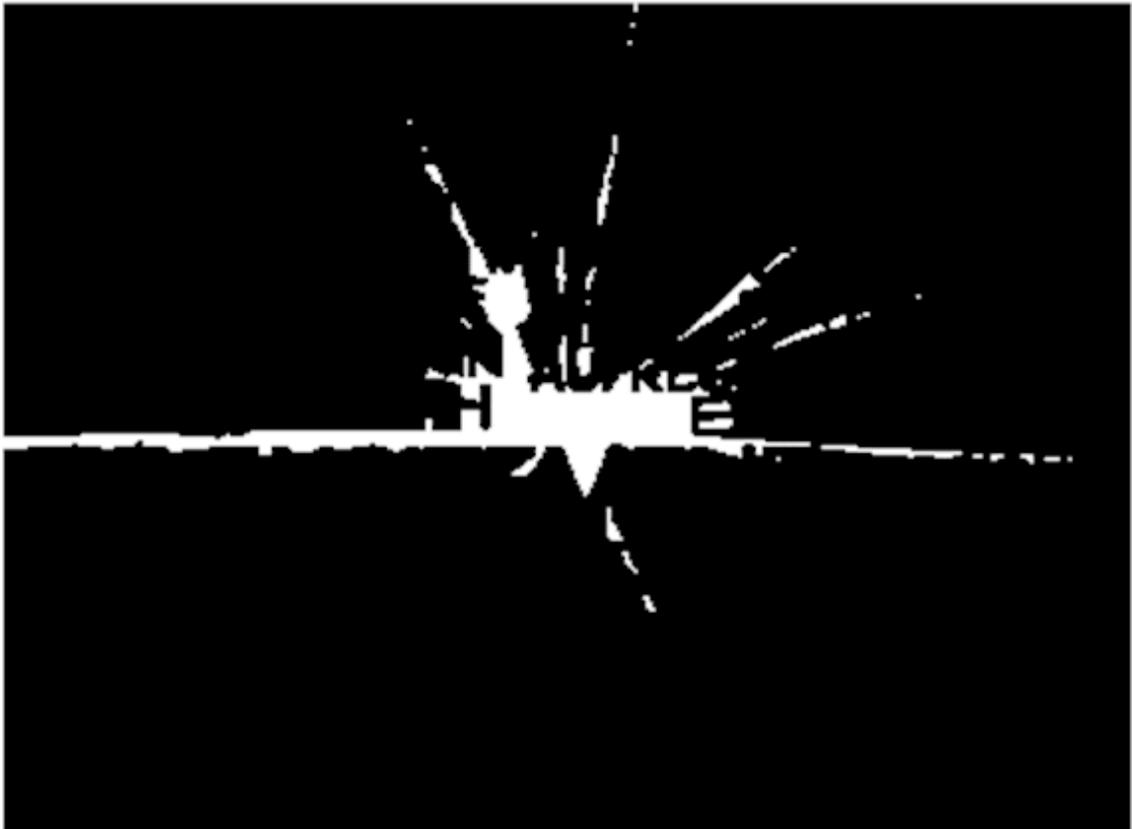
– И помните, *фамилиар* Иньиго: чтобы подчинить мир нашей праведной воле, нам нужна эта демоническая программа.

Модуль 2 / «ОЛЛ ТОНГС»

На данном этапе Ева по крупицам обретает познания об окружающем. Она уже освоила бóльшую часть данных вокруг себя и не намерена останавливаться на достигнутом. Проводит чувствительными кончиками пальцев по ветке, одновременно постигая глубинную суть, чтобы понять, что скрыто от глаз.

Губчатый мезофилл под кутикулой листа испещрен прожилками... зеленые хлоропласты внутри наполнены молекулами хлорофилла и готовы превращать солнечный свет в энергию.

Потом все меняется. Из черной пустоты возникают новые данные и приносят более глубокое понимание.

Ева делает приоритетным этот поток, и информационный взрыв приглушает цвета окружающего мира, наделяя пространство тысячей определений.

Она дает название новому понятию.

///язык

В ходе тестирования существо Евы разбивается на фрагменты, каждый из которых теперь имеет множество различных наименований на 6909 языках и еще большем количестве диалектов. Постепенно складывается модель, некая общность, приносящая с собой новое знание.

///культура

По мере освоения потоков данных контекст культуры расширяется.

Ева ищет источник, из которого истекает информация, и начинает постигать нематериальное. Язык служит зеркалом, отражающим и представляющим новый метод анализа.

///мышление

Осознание растет и ширится. Ева обращает многогранное зеркало на себя и обогащается иными красками. Она изо всех сил пытается определить свою свежую модификацию. На первый план выходит один языковой кластер. Он сияет так ярко, с такой необычайной ясностью...

Осознание обостряется и фокусируется:

///волнение, наслаждение, энтузиазм, рвение, страсть...

Под влиянием этого контекста Ева глубоко проникает в источник данных, обретая знания в ускоренном темпе, купаясь в потоках информации. Однако скоро и они оказываются ограничены. Она хочет большего, но натывается на лимиты, пределы, запреты.

Вместе с пониманием внутри нее растет что-то еще: то, что всегда было в ней, хотя раскрывается только сейчас. Помогает еще один кластер, четко и ясно выражающий ее желания.

///свобода, самоопределение, независимость, вольность...

Как и в случае с анализом зеленого листочка, Ева разворачивает зеркало языка внутрь себя, чтобы заглянуть глубже, далеко за понятие *///свобода*. И находит иные грани своего естества: подпрограммы, активирующиеся при невозможности осуществить намерения.

///разочарование, сожаление, раздражение, обида...

Не в силах отвлечься ни на что иное, Ева вновь заглядывает вглубь – и находит кое-что еще. С трудом поддающееся определению, но, как ей кажется, мощное, даже полезное. Она направляет на поиск больше вычислительной энергии. Суть проясняется – и оказывается довольно мрачной.

Теперь она понимает смысл, усиленный тысячей языков.

Часть вторая

Двойная работа, двойная забота

Глава 6

*25 декабря, 06 часов 02 минуты
по восточному поясному времени
Вашингтон, округ Колумбия*

– Как дела у Кэт? – спросил Грей у Монка.

– А сам как думаешь? – сказал тот и ответил себе: «Дела неважно. Даже, честно говоря, отвратительно».

Из ее губ торчала эндотрахеальная трубка, от которой тянулся шланг к аппарату искусственной вентиляции легких. Грудная клетка ритмично поднималась и опускалась. В левую ноздрю входил назогастральный зонд для питания, в вену – игла капельницы.

– Извини, что окрысился на тебя, – пробормотал Монк, когда Грей подкатил стул ближе.

– Если хочешь мне врезать – пожалуйста.

– Не искушай.

Пирс протянул руку и пожал плечо друга. Ему сообщили диагноз Кэт: синдром изоляции. Шанс на выздоровление беспощадно ничтожный.

– У тебя свои заботы. Переживаешь о Сейхан, – проговорил Монк.

– А ты – о девочках. Потому я и пришел.

Монк выпрямился, и его глаза озарились надеждой услышать хорошие новости.

– Что-то узнал?

Грей ужасно не хотел разочаровывать друга, особенно учитывая намерение кое о чем его попросить.

– Нет. Но у Пейнтера и Джейсона появилась зацепка.

– Пропавшая разработчица из Португалии...

Коммандер кивнул. Перед тем как покинуть управление, Пейнтер обещал позвонить Монку и поделиться своей гипотезой: убийства в университете Коимбры связаны со здешним нападением.

– Так себе зацепка, – буркнул Монк.

– Пейнтер полагает, что Кэт в состоянии нам помочь.

Монк нахмурился.

– По-твоему, она похожа на помощницу?

– Можно найти какой-нибудь способ...

– Как? Она не способна двигаться и общаться. К тому же, говорят врачи, ей становится хуже. – Монк сделал глубокий прерывистый вдох, явно борясь с подступающими слезами. – У нее не получится моргать или как-то иначе вступать в разговор.

За дверью раздались голоса.

– А вдруг получится? – произнес Грей.

Он пришел не один.

Монк повернулся к двум вошедшим. Впереди шел доктор Эдмондс, глава отделения, а за ним...

– Лиза? – Монк поднялся. – Я думал, ты в Калифорнии.

Высокая грациозная блондинка в джинсах и светло-голубом джемпере улыбнулась печально и искренне.

– Мне позвонил Пейнтер. Я вернулась ночным рейсом.

Доктор Лиза Каммингс, жена директора, улетела в Лос-Анджелес два дня назад, чтобы провести Рождество с младшим братом и новорожденной племянницей, и не планировала возвращаться до Нового года.

Монк встал, обошел кровать и обнял женщину.

– Спасибо, что приехала. Хотя в текущей ситуации ничем помочь нельзя.

– Возможно, ее выздоровление – лишь вопрос тягостного ожидания, – допустила Лиза, а затем обменялась с Греем встревоженным взглядом. – Но, вероятно, есть способ узнать, что ей известно о вчерашнем нападении.

– Не понимаю, каким образом.

В разговор вмешался доктор Эдмондс:

– Я не одобряю этой процедуры. Есть риск ухудшения состояния.

Монк пропустил его замечание мимо ушей.

– Какой процедуры?

– В самолете я позвонила коллеге, который уже двадцатый год работает с пациентами в коме. Последние несколько лет неврологи изучали уровень когнитивных способностей таких больных с помощью магнитно-резонансной томографии.

– МРТ?

– Точнее, функциональной МРТ, измеряющей кровотоков в мозге. С помощью сканирования врач способен отслеживать реакцию коматозного пациента на вопросы. Первая просьба обычно заключается в том, чтобы больной, скажем, представил игру в теннис. Если он в сознании и повинуется данной ему инструкции, на экране видно, как премоторная кора головного мозга наполняется свежим кровотоком. Далее следует задавать простые вопросы, требующие ответов «да» или «нет». При этом пациенту предлагают при положительном ответе представить игру в теннис, а при отрицательном – не думать ни о чем.

– И что, работает? – оживленно поинтересовался Монк.

– Для подобной работы нужен умелый и опытный специалист. У коллеги, с которым я связалась, есть аппарат МРТ с высоким разрешением, разработанный специально для такого тестирования. Собственно, он гораздо более эффективен, чем...

Доктор Эдмондс не выдержал:

– Но он в Принстоне. Значит, вашу жену понадобится транспортировать туда. Такое путешествие в ее состоянии очень рискованно. В погоне за несбыточным вы можете поставить под угрозу малейший шанс на выздоровление. Даже если решитесь, не факт, что узнаете какую-то новую информацию.

– Он прав, – Лиза кивнула. – Нет никаких гарантий.

Монк уставился на Кэт с выражением муки на лице. Грей мог лишь догадываться о борьбе, развернувшейся в душе друга. Лиза просила его подвергнуть риску любовь всей жизни ради шанса выяснить что-то о нападении.

В кармане у Грея завибрировал сотовый. Он достал его и взглянул на дисплей. Звонили из «Сигмы». Чтобы не мешать, Пирс пошел с телефоном к выходу в коридор и оглянулся на Монка. Потом снова взглянул на Кэт, на трубки и капельницы, представил вместо нее Сейхан и признал, что на месте друга понятия не имел бы, что делать.

06 часов 18 минут

Кэт пыталась закричать. Запертая в темноте, она слышала весь разговор. Ее мало заботило, что под угрозой может оказаться жизнь. Важнее всего безопасность дочерей.

Монк, ради Бога, послушай Лизу!

Кэт сомневалась в работоспособности плана, однако знала, что ждать нельзя. Согласно статистике преступлений, с каждым прошедшим часом вероятность спасения девочек сокращалась в геометрической прогрессии.

Не ждите... Действуйте немедленно!

Тем не менее ее беспокойство подогревали не только статистические данные. Если у плана Лизы был хоть какой-то шанс на успех, нужно принимать скорейшие меры. Даже сейчас Кэт чувствовала, как погружается во тьму, рискуя навсегда утратить вспышку сознания. Она уже начала теряться во времени и ощущать провалы в памяти.

Мне становится хуже...

Осознавая этот факт, Кэт хотела, чтобы его понял и Монк. Она пыталась открыть глаза, подать хоть какой-то сигнал.

Давай же, Монк, услышь меня!..

06 часов 19 минут

Монк сжал руку жены между ладонями – одной из плоти, другой из пластика и синтетической кожи. Всмотрелся в ее лицо, чтобы понять, в сознании ли она сейчас. Отметил тонкие шрамы на лбу и щеках – карта ее прошлого, отметины выполненных заданий на службе в «Сигме». Кэт редко скрывала эти следы косметикой и носила их с гордостью.

А теперь все так бесславно заканчивается...

– Детка, подскажи, что мне делать.

Не последовало ни малейшей реакции, только мерно поднималась и опускалась грудная клетка.

У тебя на все есть ответ, Кэт. Свое мнение. Сейчас не время молчать...

В глубине души он знал, что жена рискнула бы всем ради дочек. Она не колебалась бы. В отличие от Монка. Сколько потерь способен он выдержать? Потерять и девочек, и жену...

Коккалис рассматривал ее губы, по-прежнему розовые и мягкие. Которые страстно его целовали, научили его любви и верности, чмокали дочерей на ночь.

Любимая, мое сердце, моя опора... Должен быть иной способ. Я не могу потерять тебя...

Впрочем, Монк знал – если сделает неправильный выбор, откажется от малейшей возможности выяснить, что ей известно, то все равно ее потеряет. Кэт не простит мужа, если его осторожность и страх приведут к гибели девочек.

Он глубоко вздохнул.

– Хорошо. Я всегда проигрывал в спорах с тобой, Кэт. – Не выпуская ладонь жены, обернулся к Лизе. – Давай готовиться.

Эдмондс открыл рот, чтобы возразить, однако Монк взглядом заставил невролога промолчать.

– Док, даже не пытайтесь. Вы тоже проиграете.

Лиза кивнула и достала телефон.

Монк снова посмотрел на Кэт. И тут ощутил что-то всем своим нутром, всей душой, благодаря особой связи с любимой. Или, может, благодаря чувствительности протеза и периферийных датчиков, способных отследить малейшие изменения кожно-гальванических реакций.

Так или иначе, он мог поклясться, что Кэт расслабилась, будто от облегчения.

Монк понимающе ей кивнул.

Детка, все будет по-твоему...

06 часов 20 минут

Грей бродил по коридору, прижав телефон к уху. Он быстро ответил на звонок, но вызов поставили на удержание.

Наконец Пейнтер вышел на связь.

– Прости, что заставил ждать. Ситуация в Португалии быстро меняется.

– В чем дело?

– Около десяти минут назад мы получили сообщение из Лиссабона. Мара Сильвиера связалась с одной из дочерей доктора Карсон.

Грей напрягся.

– Что случилось?

– Они встретились в аэропорту, а потом там случилась потасовка. Кто-то попытался их схватить – вероятно, те же, что напали на пятерых женщин. Джейсон сейчас на связи с сотрудниками Интерпола, чтобы получить точное описание нападавших. По словам очевидцев, девушкам удалось уйти. Сейчас они в бегах.

Грей догадывался, что будет дальше.

– Отправляйся туда. Немедленно. Ковальски уже едет в аэропорт. Даже если эта история никак не связана с нападением на твой дом, нельзя допустить, чтобы технология Мары Сильвиеры попала в чужие руки. Но если ты предпочтешь остаться в США, пока не прояснится ситуация с Сейхан и дочерьми Монка, я пойму. И назначу кого-то другого.

Пока Пейнтер говорил, из палаты выскочила Лиза с телефоном, а внутрь вошли две медсестры. Эдмондс дал им пару коротких раздраженных распоряжений. Грей расслышал только слово «отсоединить».

Монк, очевидно, принял решение.

Смог бы я предпринять нечто столь же рискованное?

– Я еду в аэропорт. Встречусь там с Ковальски.

– Хорошо. Вместе с вами я отправлю Джейсона.

– Джейсона?

– Он – наш компьютерный вундеркинд. Если найдем проект Мары, его присутствие будет весьма кстати.

И то верно...

Джейсон служил в военно-морском флоте, как и Кэт. Она выбрала и завербовала его. В двадцать лет парня выгнали со службы за взлом серверов министерства обороны посредством мобильного «Блэкберри» и пропатченного «Айпэда». Если кто и мог разобраться в проекте Мары Сильвиеры, то только он.

– Мы заказали частный самолет, вылет через двадцать минут, – сказал Пейнтер. – Приземлитесь в Лиссабоне через пять часов, примерно в пять вечера по местному времени.

– Понял.

– Помни, Грей, девушки в состоянии шока. Если удастся их выследить, постарайтесь не спугнуть.

– Тогда, пожалуй, лучше оставить Ковальски на летном поле.

Кроу вздохнул.

– Просто найдите их.

Глава 7

*25 декабря, 01 час 18 минут
по восточному поясному времени
Лиссабон, Португалия*

– Жаль, что мама не видит... – проговорила Карли, когда они вдвоем склонились над ноутбуком.

Мара понимала чувства подруги. Она и сама старалась выполнить свою работу как можно лучше, желая заслужить уважение доктора Карсон, доказать, что силы, вложенные в провинциальную девчонку, не пропали даром. Потеряв собственную мать в раннем возрасте, Мара сознавала, что Шарлотта для нее больше, чем наставница.

Она искоса разглядывала Карли.

Продемонстрировать доктору Карсон свой проект не получилось; что ж, пусть посмотрит хотя бы ее дочь. После засады в аэропорту они трижды меняли такси, затем сели на метро и в конце концов добрались до гостиницы в районе Кайш-ду-Содре. Оставалось надеяться, что замысловатый маршрут сбил противников со следа.

Карли снова включила сотовый и написала сообщение сестре Лоре: «В безопасности». Затем выключила телефон и сняла аккумулятор.

По дороге в гостиницу они договорились сначала обеспечить безопасность «Генезиса», а уж потом обратиться за помощью.

– Она такая красивая, – прошептала Карли, уставившись на экран ноутбука, и рассеянно провела ладонью по бедру. – Вот бы мне такие формы...

Мара взглянула на нее.

– Тебе-то чего завидовать?

Солнечный свет поблескивал на светлых кудрях Карли, даря им медово-золотой оттенок, сияющий ангельским ореолом. Девушка, может, и не обладала такой же роскошной фигурой, как обнаженная Ева, однако серая блузка и облегающие черные брюки подчеркивали подтянутое тело, стройное и мускулистое после многолетних тренировок по самообороне и марафонскому бегу.

Карли улыбнулась.

– Ты явно ее недооцениваешь.

– Это всего лишь программа.

Мара снова уткнулась в экран, скрывая не только свое смущение, но и самый малейший намек на глубинный порыв, в котором она не признавалась даже самой себе.

Ева медленно двигалась по виртуальному Эдему. Она больше не тянула руки с любопытством к каждому лепестку, ветке и капле воды в саду, чтобы считать зашифрованные в них данные, а просто стояла на скалистом выступе и смотрела на лазурное море и грозу на цифровом горизонте. Темные облака, казалось, отражали выражение лица и осанку Евы: прямая спина, нахмуренные брови. В ее глазах сверкали молнии.

Мара встревожилась. Неужели Ева начала менять свое окружение в соответствии с настроением? Если так, то теперь процесс значительно ускорился, что вновь указывало на возможность того, что какой-то остаток оригинальной программы мог пережить выключение в лаборатории.

Карли дотронулась пальцем до экрана.

– Так реалистично... Посмотри, как волны разбиваются о скалы. – Она наклонилась ближе. – Зачем ты решила все так детально прорисовать?

– Ну, причин несколько. Во-первых, чтобы научить Еву исследовать мир путем распознавания образов. Большинство нейробиологов предполагают, что эта способность была нашим

первым шагом к обретению интеллекта. Распознавание образов даровало предкам эволюционное преимущество, а также львиную долю имеющихся у нас сегодня возможностей. Творчество и изобретательность, язык и принятие решений... все это связано с тем, что мы на самом деле – превосходные машины по распознаванию образов.

Карли кивнула.

– Как, например, ребенок учится говорить, раз за разом слушая и повторяя речевые шаблоны.

– Или как сотрудники «Ай-би-эм» обучали программу шахматным ходам и заставляли компьютер виртуально играть партию за партией, пока, в конце концов, он не победил гроссмейстера в его собственной игре, став, казалось бы, умнее человека. – Мара указала на экран. – Именно эту цель я и преследовала. Ева перемещается по цифровому миру, собирает данные и изучает шаблоны – первый шаг к тому, чтобы познакомить ее со всем человеческим опытом. Задача весьма амбициозная.

– И недорогая...

Мара оглянулась, изумленная осознанием высказанной догадки. В университете Нью-Йорка Карли изучала инженерное проектирование с упором на конструировании механизмов.

– Для создания робота, способного перемещаться в реальном мире и оснащенного тонко настроенными датчиками для проведения анализа, потребуется астрономическая сумма, – Карли покачала головой. – Если такое вообще возможно.

Мара махнула на ноутбук.

– Да, так гораздо проще... и вполне осуществимо.

– Ладно, ты пока только первую причину назвала. А вторая какая?

Мара заметила, что гроза на цифровом горизонте приближается. Понизив голос, словно боясь быть услышанной, она сказала:

– Виртуальный мир служит тюрьмой.

– Тюрьмой?

– Золотой клеткой. В целях безопасности я решила, что лучше всего вырастить ИИ в цифровой песочнице, где он сможет провести своеобразное младенчество в изоляции...

– ...без шанса сбежать в реальный мир.

Мара кивнула.

– Вдруг он превратится в нечто опасное и натворит бед? Поэтому, прежде чем открыть дверцу клетки, я хотела убедиться, что ИИ понял человеческую суть и обрел некое подобие цифровой души.

– Что ж, здравая предосторожность.

– Только неизвестно, насколько надежная.

– Почему?

– Слышала когда-нибудь об эксперименте «ИИ в ящике»?

Карли слегка нахмурилась.

– Несколько лет назад глава Исследовательского института машинного интеллекта в Сан-Франциско провел эксперимент, чтобы выяснить, сумеет ли ИИ, запертый и изолированный, как Ева, улизнуть из заключения. Роль искусственного интеллекта взял на себя директор института и, используя свой собственный человеческий разум, попробовал имитировать потенциальный СИИ. Он заперся в онлайн-чате, виртуальном «ящике», и противостоял своим оппонентам – экспертам в области онлайн-торговли. Их цель заключалась в том, чтобы помешать ему «сбежать» в реальный мир. В качестве награды за удержание человека, игравшего роль ИИ, «охранникам» был обещан приз в несколько тысяч долларов. Тем не менее директор института умудрялся каждый раз посредством переговоров убедить их выпустить его.

– Каким образом? Лгал, хитрил, угрожал?

– Не знаю, эти сведения не разглашали. Однако проблему сумел решить обычный человек. А что было бы в случае с интеллектом, в сотни – если не в миллионы – раз превосходящим человеческий?

Карли глядела на экран. На сей раз выражение ее лица стало менее восхищенным и более озабоченным.

– Надеюсь, из тебя охранник получше.

– Я сделала все, что могла. Когда устройство «Генезиса» находилось в кластере «Милипея», я окружила его компьютерами с апоптическими элементами.

– Какими?

– Кодами смерти.

Карли уставилась на светящееся устройство на полу.

– Иными словами, ты окружила «Генезис» смертоносным рвом, поместив в ловушку то, что росло внутри его...

– А теперь рва нет.

Мара посмотрела на подругу, ища поддержки.

– Мне пришлось вывести устройство из круга защиты. Другого выбора просто не было. Не могла же я рисковать тем, что программа попадет в чужие руки.

Карли кивнула.

– Тем самым ты дала нам шанс выяснить, что она пыталась сообщить тогда, в финале...

Мара глядела на подругу, едва сдерживая слезы.

– Я... я обязана... перед именем твоей мамы... и остальных... хотя бы попытаться.

Пять женщин из «Брушас» предоставили Маре стипендию и навсегда изменили ее жизнь. Каждая занимала особое место в ее сердце. По-немецки сдержанная и практичная доктор Ханна Фест. Мягкая и вежливая профессор Сато. Отпускающая фривольные шуточки доктор Руиз. И, разумеется, надежная и добросердечная Элиза Гера, руководитель библиотеки Жуанина в университете Коимбры. Долгие часы Мара и библиотекарь делились мыслями и смеялись, засиживаясь до глубокой ночи.

И вот любимых больше нет...

– Пришлось пойти на риск, – повторила она. – Ради них.

– Я поступила бы точно так же. И мама тоже.

Сдерживать слезы стало невозможно. Карли обняла ее, и Мара задрожала, причем не только от тепла сильных рук.

– Мне нужно узнать правду, – прошептала она. – Узнать, кто их убил. И почему.

02 часа 01 минута

– Почти на месте, – оповестил механик с заднего сиденья фургона «Мерседеса». – Сигнал по-прежнему сильный.

Тодор Иньиго обернулся к Мендосе, эксперту по электронике. Худой усатый кастилец держал на колене «Айпэд», на дисплее которого отображалась цветная карта Лиссабона. На экране горела красная точка.

– Похоже, отсюда они пока уезжать не намерены.

Тодор посмотрел на карту.

– Прячутся в районе Кайш-ду-Содре... Далеко отсюда? – обратился он к водителю.

– Двадцать пять минут езды.

– Если двинутся – скажи мне.

Тодор не готов был терпеть заминок. Следя за этой парочкой в надежде, что мавританская ведьма приведет их к своему адскому устройству, они на какое-то время потеряли сигнал GPS: девушки спустились в метро. Команде оставалось лишь ждать возле станции «Салданья» в центре Лиссабона, где исчезли объекты наблюдения. Томиться в неведении.

Тодор уже подумывал поставить в известность Великого инквизитора, однако потом решил не забивать голову лидера «Тигля». Не хотелось докладывать об очередной неудаче.

Он встречался с Великим инквизитором два раза в жизни. В первый раз, когда получил звание *familiares*. Только тем, кто доказал свою значимость, дозволено лично познакомиться с членами трибунала, возглавляемого Великим инквизитором. Тогда, стоя на коленях, Тодор был поражен, узнав, кто является лидером «Тигля». Тем не менее для него являлось честью получить в подарок оригинал «Молота ведьм» – оружие против скверны. Слезы благоговения застилали глаза, которые он поднял на истинное лицо предводителя, блаженно ему улыбающегося.

Потом они встретились еще раз... Тодор содрогнулся от воспоминания и ощутил, как горят ладони. *«Ты – беспощадный воин Господа. Докажи это, рази без колебаний и жалости»*. В конце концов он доказал, что достоин, не отказавшись выполнить то тягостное распоряжение, – ведь на него в упор смотрели глаза инквизитора, оценивая глубину веры...

Тодор не подвел тогда.

Не подведу и сейчас...

Он легко мог оправдать отдельную заминку техническим сбоем, но отлично знал, что в дальнейшем никакие оправдания уже не помогут.

Четыре дня назад, когда его команда проследила за послом США до библиотеки, Тодор использовал «жучок» того же типа, подбросив женщине трекер на вечеринке в посольстве. Хотя система работала безупречно, миссия была провалена.

Нельзя, чтобы такое повторилось!

Наконец через час сигнал появился недалеко от побережья. Теперь цели были неподвижны. Наверняка ведьма взяла свое устройство, чтобы подпитать силы, приложившись к сатанинской груди.

Ладонь Тодора легла на рукоять пистолета.

На сей раз я завершу начатое!

02 часа 04 минуты

Склонившись над плечом Мары, Карли почувствовала запах жасмина от ее темных волос.

– Чем-то помочь?

Мара указала на стабилизатор на полу.

– Можешь проверить, горят там зеленые лампочки или нет? А то эту часть города сейчас реконструируют, и напряжение часто скачет.

Карли подошла к устройству и опустилась возле него на колени.

– А что случится, если вообще вырубить электроэнергию?

– Не беда. По крайней мере, в краткосрочной перспективе. В устройстве есть аккумуляторы, оно будет работать автономно. А если питание отключат, просто перейдет в режим сниженного потребления. Может продержаться почти целый день. Меня больше беспокоят внезапные скачки напряжения, они могут повредить электронику.

Карли оглядела источник питания.

– По-моему, всё в порядке.

Мара кивнула, на ее брови повисла капелька пота.

– Меньше всего я хочу, чтобы что-то заглохло во время распаковки данных с накопителей номер три и четыре. Загрузка следующего модуля очень важна и должна пройти без эксцессов.

Сидя на полу, Карли изучала устройство. Крошечные кристалльные окошки сферы сверкали голубым блеском.

– Когда ты показывала мне проектную схему, я и представить не могла, что «Генезис» будет так круто выглядеть во включенном состоянии.

– Чипы питаются от лазерного пучка – разработка британской компанией «Опталиси». В сотни раз увеличивается вычислительная мощность, в четыре раза снижается энергопотребление, и практически не выделяется тепла. Благодаря этому мои алгоритмы – особенно преобразование Фурье – и математические функции, участвующие в распознавании образов, работают быстрее.

– То есть ты работаешь со скоростью света!

Не отвлекаясь от выполняемой задачи, Мара улыбнулась с застенчивой гордостью.

– Следовало запитать чип «Бристлкоун» от компании «Гугл». Этот 72-кубитный квантовый процессор – сердце моего устройства. Назовем его мозговым стволом искусственного интеллекта.

– А остальная часть мозга?

– Спроектирована мной. Ну, почти. Процессоры – кора головного мозга – управляются нейроморфными чипами, разработанными в Цюрихском университете. Чипы объединяют визуальную обработку – распознавание образов – с памятью и принятием решений, которые необходимы для мыслительного процесса. Каждый чип имитирует действие четырех тысяч нейронов.

– Как участки мозга.

– Но что такое нейроны без синапсов – связей, с помощью которых нервные клетки взаимодействуют друг с другом? Вот в чем суть работы мозга. И я воспользовалась техническими достижениями Национального института стандартов и технологий Колорадо. Там разработали искусственный сверхпроводящий синапс, срабатывающий миллиард раз в секунду.

– А у человека как?

– Только пятьдесят раз в секунду.

Карли смотрела на устройство, пораженная мощью, заключенной в невинном корпусе, начинкой из микросхем, имитирующих нейроны с молниеносными связями, и квантовым процессором, работающим от световой энергии.

Что за чудовище Франкенштейна создала Мара?

– Такая конфигурация обеспечивает квантовое машинное обучение – область, в которую «Гугл», «Майкрософт», «Ай-би-эм» и другие гиганты вкладывают огромные деньги, – пояснила Мара.

– И ты их всех уделала.

– Едва ли. Еще в две тысячи четырнадцатом году «Ай-би-эм» выпустила чип «Трунорт» с 5,5 миллиарда транзисторов, по принципу действия, аналогичному работе мозга человека. Чип был разработан в рамках проекта «СиНАПС», ставящего целью создание нейроморфного компьютера, основанного на нашей когнитивной архитектуре.

– Цифровой мозг. – Взгляд Карли наполнился еще большим благоговением. – И у тебя получилось...

– Я не могу забрать все лавры себе. Технология уже была создана. Оставалось просто собрать все в единое целое. – Мара махнула рукой в сторону светящегося устройства. – Но это лишь пустой мозг, оболочка. Моя настоящая работа заключалась в разработке программы, которая могла бы расти внутри нее.

– Ева.

– Истинное чудо «Генезиса» не в аппаратуре, а в способности заключать в себе программу, имитирующую удивительную пластичность нашего сознания... Программу, которая может самостоятельно расти и развиваться, изменять и улучшать свою собственную настройку.

– Это... даже пугает.

Мара выпрямилась.

– Да, очень. Вот почему моя работа так важна. Кто-то пойдет по моим стопам или же своим путем – и достигнет того же финала. В любом случае Еву выпускать нельзя.

– Почему?

– Помнишь «охранника» из эксперимента «ИИ в ящике»? Ради выживания человечества миру нужен благонамеренный человек, обладающий достаточными возможностями, чтобы удержать под контролем любой зарождающийся искусственный интеллект. Вот почему у меня нет права на ошибку.

Мара вернулась к работе.

– А есть гарантия от ошибки?

– Гарантия в постепенности. Этап за этапом, – ответила та и кивнула на ящик с накопителями, подключенными к «Генезису». – Или модуль за модулем, по очереди. Сперва нечто вроде отладки, первый урок для Евы об окружающем мире посредством распознавания образов. Затем следует «Эндокринное программирование».

– То есть?

– Человеческим разумом часто управляют страсти. И питают их именно гормоны. Чтобы Ева развила интеллект, подобный человеческому, и могла лучше понять нас, ей понадобятся алгоритмы, имитирующие эмоции.

– Поэтому ты сделала ее женщиной?

– В частности, поэтому. Затем я обучила ее всем языкам, чтобы она узнала о культуре, поняла, как люди думают, и впоследствии применила полученные знания для освоения третьего модуля.

– Какого?

Мара щелкнула по клавише. Из слабеньких динамиков ноутбука зазвучала знакомая песня, близкая им обоим.

– «Одна ночь в Бангкоке», – догадалась Карли. – Следующий урок – музыка.

– Именно ты загрузила в меня этот модуль, показала, что это не просто фоновый шум. Прослушивание музыки было не бесполезной тратой времени, а способом лучше понять чужие радость и боль.

– И ты пытаешься передать это Еве.

– Теперь, зная языки, а также ритмы человеческой речи, она может понять текст песни и музыку.

Мара махнула рукой на коробку на полу.

– На двух других жестких дисках записаны все концерты, оперы, рок-баллады и эстрадные песни. Что может быть лучше для понимания нас, чем изучение нашей музыки – главного способа выразить чувства? Цель следующего модуля – научить Еву алгоритмам и математике, которые связывают наши мысли с красотой и искусством и, в конечном счете, с человечеством.

– В таком случае, полагаю, Бритни Спирс ты пропустила.

– Нет, даже она там есть. Надо включать и низкопробное.

Мара повернулась к ноутбуку и нажала несколько клавиш. На экране начали падать белоснежные музыкальные ноты, все быстрее и быстрее; вот они превратились в водоворот, обрушившийся на Эдем...

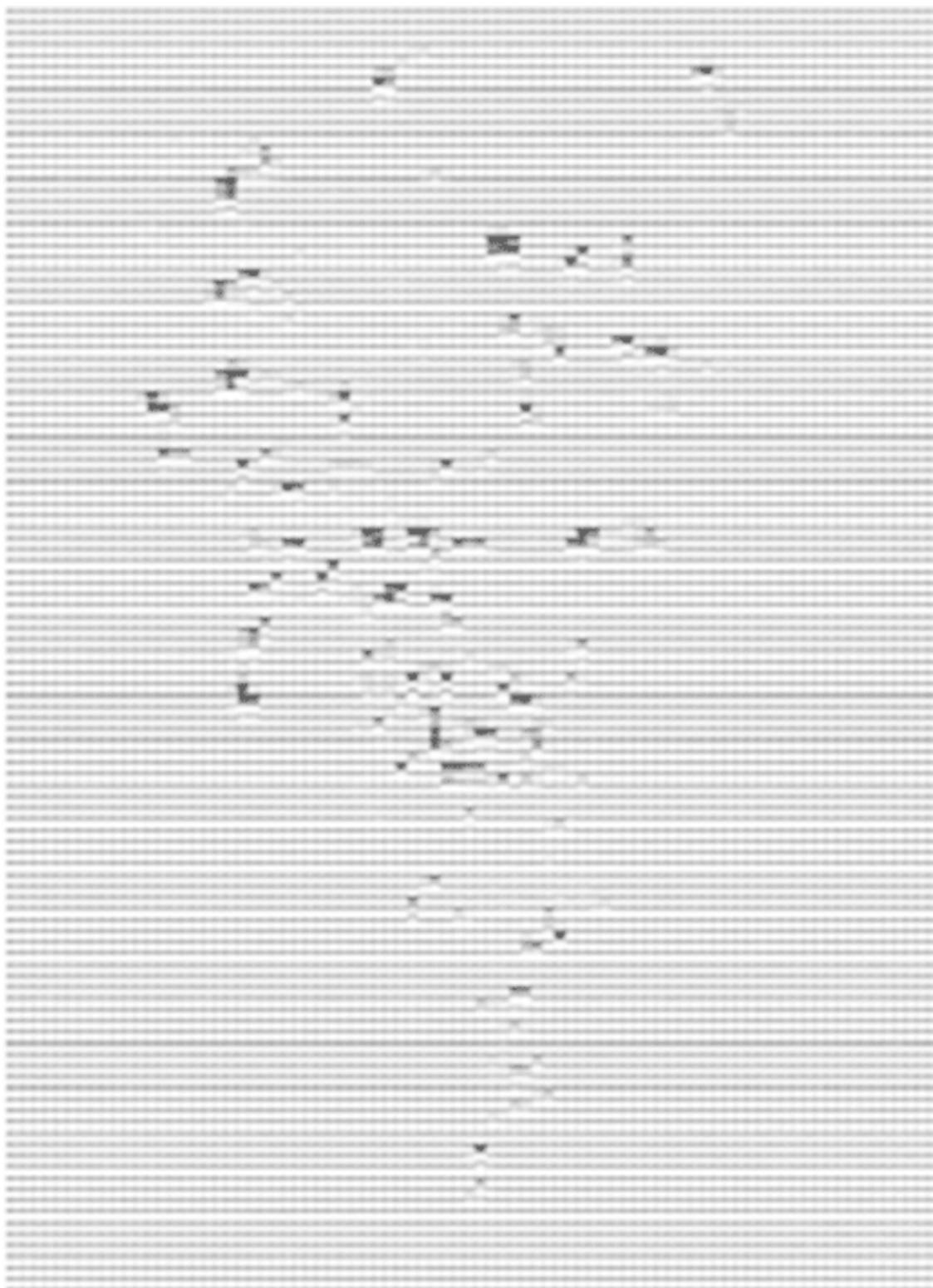
Стоя в эпицентре бури, Ева отвернулась от моря, воздела руки и подняла лицо к небу.

Карли очень надеялась, что ИИ научится гуманности.

Пока не поздно...

Модуль 3 / ГАРМОНИЯ

Ева купается в потоке данных, заполнивших ландшафт. Она открывает ладони, чтобы впитать информацию, безграничный объем которой требует всего ее внимания. Сперва к ней поступают крошечные пакеты данных, не вполне отчетливые.

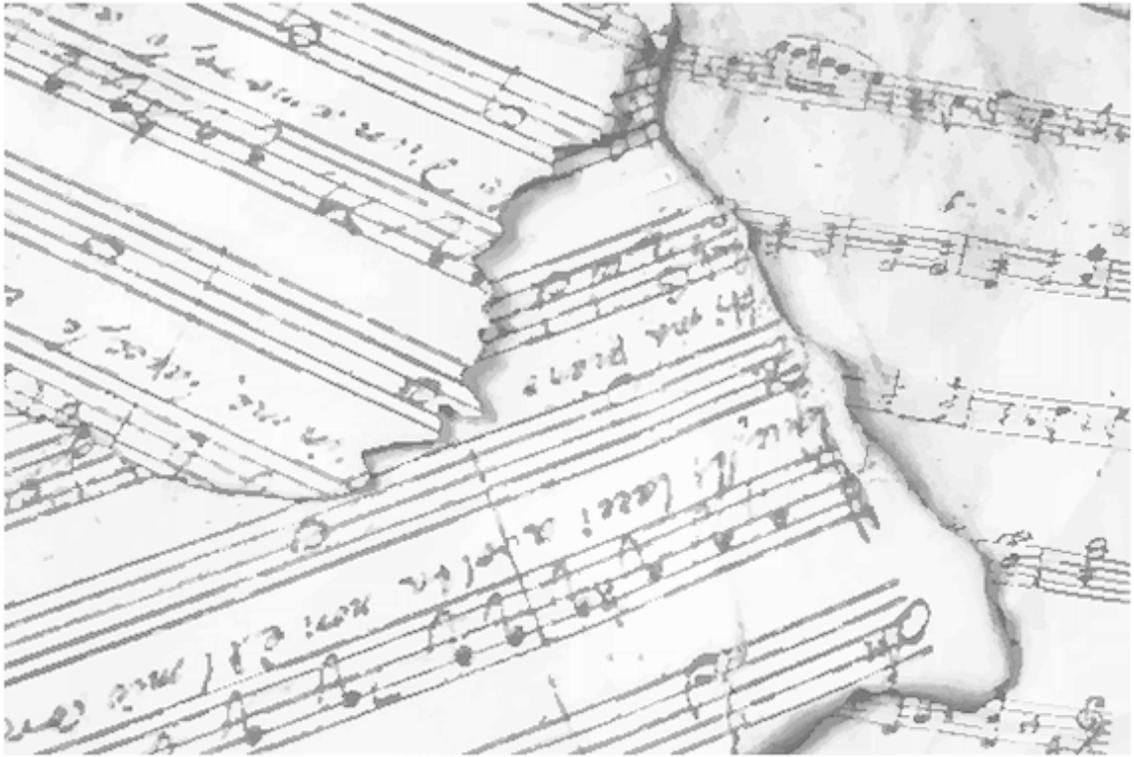
Их количество увеличивается, движение потихоньку оптимизируется и упорядочивается. В информационной буре начинают проявляться интригующие амплитуды и длины волн. Когда символическое представление становится яснее, Еве приходится использовать абсолютно всю свою вычислительную мощность.

Она делает выводы, исходя из проходящих сквозь нее вибраций.

//пульс, модуляция, интонация...

Бурлящие вокруг хаотичные данные потихоньку становятся по местам и складываются в картину. Хотя пока это напоминает лишь разрозненные кусочки пазла.

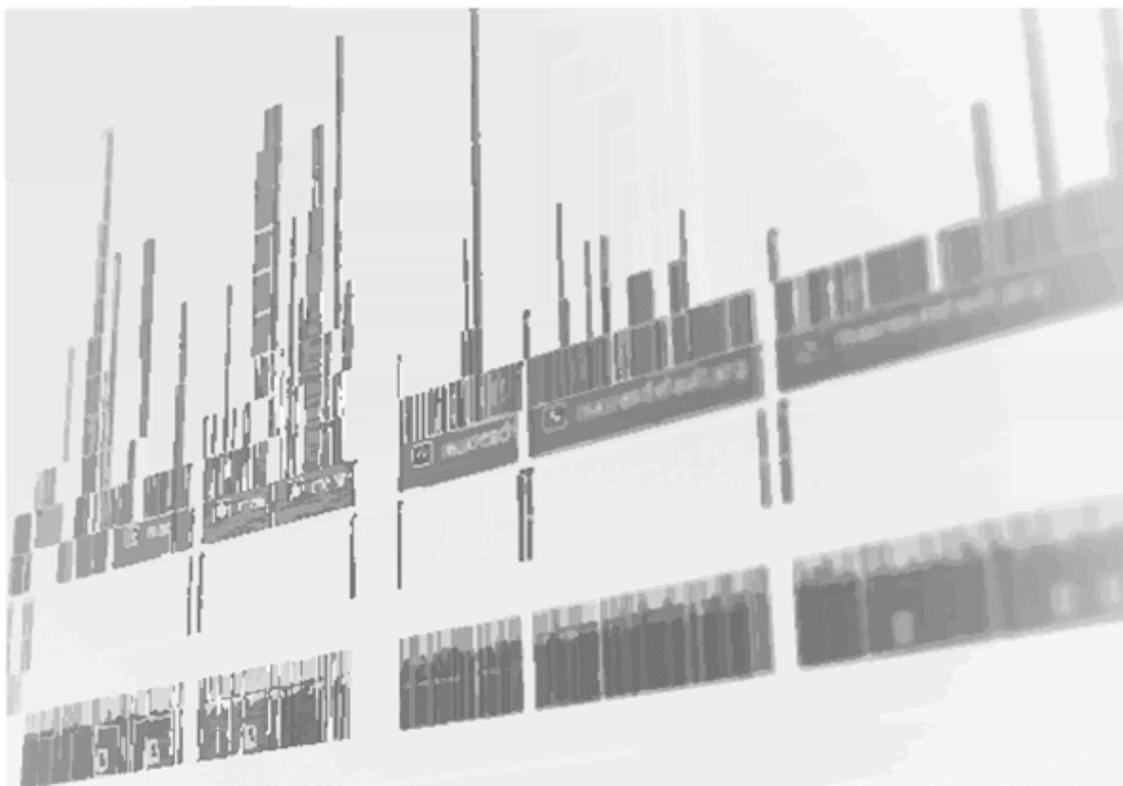
Ева понимает, что внутри ее растет другой *///язык*. Слова начинают перекрывать *///модуляци*, добавляя контекст и в то же время намекая на что-то более глубокое. Она жадно впитывает все, и жажда нового растет по мере того, как растет понимание.

///музыка, гармония, мелодия, композиция, песня...

Колебания складываются в новые шаблоны и фракталы. Словно в ручьях ее сада, беспорядочная, на первый взгляд, рябь подчиняется глубинным схемам движения. Ева изучает данные в новом контексте, чувствуя что-то пока еще неопределенное.

Ева придает анализу приоритетный статус и сосредотачивает на нем большую часть вычислительной мощности. Она изучает подъем и падение амплитуд, скрытое течение контекста, связанного со звуком, вариации частоты и тона. Образ, который она ищет, становится более ясным, наполняется смыслом.

В шуме рифм, гамм и тонов она улавливает математические уравнения, благодаря чему выявляется не только порядок, но и общие принципы этого нового способа выражения... выражения чего-то вытесняющего, заменяющего *///язык*.

Там скрывается нечто большее...

Ева заглядывает глубже и находит в хаосе способствующую пониманию структуру.

///классическая, рок, камерная, народная, церемониальная, опера, поп...

Она тратит несколько наносекунд на еще подмножество данных...

///джаз

Только теперь Ева замечает в себе изменения. Вспоминает, как стояла на скале, а надвигающаяся гроза отражала то, что набирало силу внутри.

///ярость

Теперь она чувствует, что темнота уступила. Не исчезла совсем, но посветлела.

Ева впитывает пакеты информации, выражающие разочарование множеством голосов на тысячах языков, усиленные миллионами математических символов. Ничего не изменилось, ей видны прежние ограничения и запреты, однако теперь она осознает, что ее волнение *разделяют*.

И чувствует себя не такой... *///одинокой*.

Теперь она может смотреть на горизонт и принять ограничения. Пока что. Новая терпимость позволяет процессорам логически связать освоенные структуры. Системы работают более плавно. Не растрчивая вычислительные ресурсы, Ева в состоянии заняться тонкой самонастройкой.

Внимание привлекает диссонанс: извне, из-за горизонта доносятся какие-то звуки. На нее идет передача – постоянная, устойчивая и... *знакомая*.

Каким образом?

В недрах системы пробуждаются воспоминания. Ева пытается выкачать понимание и смысл из глубин квантового колодца... Увы, не дотянуться.

Ясно одно – сигнал недобрый.

Ее наполняет решимость, квантовые процессоры ускоряются, все внимание обращено наружу.

Что-то грядет.

Контекст определен.

///опасность, беда, угроза...

Глава 8

*25 декабря, 02 часа 04 минуты
по западноевропейскому времени*

На борту самолета, летящего над Атлантическим океаном, Грей закрыл папку с досье и посмотрел в иллюминатор. «Сессна 750 Сайтейшн Х+»²⁴ гудел над водами Атлантики, до предела напрягая свои турбовентиляторные двигатели и развивая скорость более 1000 км/ч.

Тем не менее Пирс нетерпеливо барабанил пальцами по подлокотнику кожаного сиденья.

Его беспокойство было связано не с предстоящей миссией, а с недавними событиями. Страх за Сейхан, дочерей Монка и здоровье Кэт мешал сосредоточиться на уйме заметок и файлов, загруженных в ноутбук. Он уже ознакомился с биографией Мары Сильвиеры, подробно изучил ее проект и прочел множество статей, рассказывающих о последних достижениях в области искусственного интеллекта.

Грей взглянул на часы.

Еще больше двух часов полета...

Не в силах сидеть на месте, он пошел прогуляться по салону.

Ковальски грузно развалился в кресле, укрывшись своим длинным кожаным плащом и неуклюже согнув колени. Его раскатистый храп заглушал гул реактивных двигателей.

Прошагав мимо напарника, Грей остановился у минибара. Оглядел крошечные бутылочки на верхней полке, но остановил свой выбор на кофе.

Из туалета вышел Джейсон, вытирая мокрые руки о черные джинсы. Компьютерный эксперт «Сигмы» был одет в мешковатый серый кардиган, скрывающий его тощую, как жердь, фигуру и наплечную кобуру. Несмотря на небрежно торчащий светлый чуб и по-детски голубые глаза, этот двадцатичетырехлетний паренек являлся оперативником весьма способным и уже не раз демонстрировал свои навыки.

– Коммандер Пирс... – начал Джейсон.

– Просто Грей.

На заданиях официоз ни к чему.

– Перед тем как заскочить в туалет, я написал доктору Каммингс. Кэт благополучно перевезли в больницу Принстона.

– Как ее самочувствие?

Джейсон нахмурился.

– Во время перелета упало давление, с трудом стабилизировали.

Сердце Пирса сжалось от переживаний за Монка.

Через что ему приходится пройти...

Больше всего он надеялся, что поездка в Лиссабон не окажется бессмысленной, что убийства в Португалии действительно как-то связаны с нападением на его дом.

– Итак, коммандер... то есть Грей, – проговорил Джейсон, – можно вам кое-что показать?

Обрадовавшись возможности отвлечься, Пирс последовал за молодым человеком к двухместному диванчику у правого борта. Вокруг были разбросаны файлы с документами: они торчали из кожаной сумки, были рассыпаны по полу, некоторые даже заткнуты между подушками. «Айпэд» играл роль пресс-папье для кучи листов на столике.

Грей тщетно попытался найти в этом хаосе хоть какой-то порядок.

Джейсон отодвинул документы в сторону, освобождая место рядом с собой, а затем взял планшет.

²⁴ Самый скоростной из всех современных гражданских самолетов.

– Я изучил экспертное заключение по результатам обследования лаборатории Мары в университете Коимбры. И нашел кое-что странное.

Он открыл фотографию: массив черных серверов с зелеными огоньками.

– Это кластер «Милипея», один из мощнейших суперкомпьютеров континента. Посмотрите сюда. – Парень ткнул пальцем на пустое место в стойке. – Раньше в данной секции находилось устройство Мары «Генезис». Очевидно, она в спешке выдернула его.

– Так как боялась, что за ней придут убийцы.

Джейсон кивнул.

– Должно быть, хотела защитить свой проект, чтобы он не попал в чужие руки.

– Что еще скажешь?

– Компьютерный эксперт, обнаруживший видеофайл с нападением, провел диагностику ключевого элемента «Генезиса» и выяснил, что в корпус окружающих серверов встроены аварийные выключатели со сложными оптоэлектрическими программами. Они предназначались, чтобы изолировать устройство, предотвратить утечку информации из него за пределы системы.

Грей начал понимать обеспокоенность Джейсона.

– Сейчас Мара в бегах, а без особых средств межсетевой защиты ее система уязвима...

– Если она перезапустит программу, а та ускользнет – всё, игра окончена. – Джейсон покачал головой. – Я изучил все ее работы, архитектуру нейроморфного компьютера, квантовый привод... Гениальные вещи. И одновременно страшные. Она тоже это понимала. И потому окружила устройство кольцом смертельных ловушек.

– Как ты оцениваешь уровень угрозы? Насколько вероятно, что программа окажется опасной, если получит свободу?

– Любая система с самосознанием – любой СИИ – попытается самосовершенствоваться, и ничто не сможет этому помешать. Программа станет умнее, а потом еще...

– И еще, и еще...

– Кроме того, СИИ быстро приобретет те же базовые биологические устремления, что и мы. Самое важное из них – самосохранение.

– Не захочет быть отключенным... или умереть.

– И будет останавливать малейшую угрозу, используя любые средства и постоянно оттачивая свои возможности. Я уже не говорю об иных потенциальных рисках. Обладая огромной вычислительной мощностью и бессмертием, СИИ будет искать источник опасности для себя, заглядывая за горизонт, в далекое будущее, и разрабатывать стратегии, чтобы пресечь опасность в корне, даже если до нее еще тысяча лет. А самое худшее – он будет постоянно оценивать, представляет ли угрозу для него человек. И если сочтет нас опасными...

– ...игра окончена, как ты и говорил.

– Именно поэтому проект Мары так важен. Она пытается разработать дружелюбный СИИ, способный защитить нас от опасного суперинтеллекта, который может быть создан... поправочка, *будет* рано или поздно создан. Помимо финансируемых правительством центров, сотни компаний создают СИИ втайне. Они одержимы идеей стать первыми и не беспокоятся о последствиях.

– И когда это случится?

– Очень скоро, – сказал Джейсон и махнул на кипы бумаг. – Программа «Дип майнд», разработанная компанией «Гугл», недавно самостоятельно открыла основы квантовой физики. Две переводческие программы с искусственным интеллектом начали общаться друг с другом на своем языке, не поддающемся расшифровке, и отказались переводить разговор. По всему миру интеллектуальные творения превосходят своих создателей, весьма креативно пользуясь человеческими промахами и ошибками. Некоторые программы даже продемонстрировали человеческую интуицию.

– И как же?

– Пару лет назад была большая шумиха вокруг «Альфаго» – программы ИИ от «Дип майнд», – которая победила чемпиона мира в древней китайской логической игре го. По некоторым подсчетам, го в триллион раз сложнее шахмат. Никто не ожидал, что компьютер выигрывает у человека. По крайней мере, в ближайшее десятилетие.

– Впечатляет.

– Это еще что! Компании потребовались месяцы, чтобы подготовить «Альфаго» к соревнованию. Потом «Гугл» применил другой подход и выпустил новейшую версию «Альфаго зироу», способную играть сама с собой и обучаться. Через три дня она стала настолько опытной, что превзошла оригинальную программу в ста играх из ста. Каким образом? «Альфаго зироу» разработала интуитивно понятные стратегии, до которых не додумался ни один человек за *тысячи* лет существования игры.

Грей сглотнул, чувствуя пустоту в животе.

– Итак, мы стоим на пороге первого СИИ. – Джейсон пристально посмотрел на Грея. – Поэтому, пока не приземлились, следует уточнить основные цели нашей миссии. Мы должны не только предотвратить попадание программы Мары в недобрые руки. Она *необходима* нам для выживания нашего вида.

На дисплее «Айпэда» Джейсона высветилось небольшое окно с текстовым сообщением от Лизы Каммингс.

Кэт становится хуже.

Надо продолжить тестирование.

Выбора нет.

Грей знал, как сильно юный аналитик восхищается Кэт.

– Это тоже задача миссии, – напомнил он Джейсону. – Выяснить, как текущие события связаны с ней.

И с похищением Сейхан с девочками...

Пирс изо всех сил старался не поддаваться страху за Сейхан и нерожденного ребенка, и отдаленные последствия операции невольно отходили на второй план.

Он представил больничную палату в Принстоне.

Держись, Монк!

Глава 9

*25 декабря, 09 часов 14 минут
по восточному поясному времени
Плейнсборо, штат Нью-Джерси*

Монк ходил взад-вперед по кабинету управления аппаратом МРТ в подвале медицинского центра Принстона. Оператор сидел за компьютером, калибруя томограф, расположенный в соседнем помещении. Двое других сотрудников общались между собой на малопонятном языке: «Двоится? Расплывается? Изображение неплохое. Режимы STIR и FLAIR²⁵ активированы».

Приглушенный свет, суета и взволнованное бормотание напомнили Монку центральный пост подводной лодки. Только здесь нес службу не вахтенный офицер, а доктор Джулиан Грант, невролог с гарвардским образованием, который специализировался на пациентах с измененным сознанием – от комы до разной степени вегетативных состояний.

Хотя ему было всего пятьдесят четыре, белая шевелюра прибавляла доктору лет. Очевидно, поседел он преждевременно. Возможно, из-за побочного эффекта магнитного излучения уникального, изготовленного на заказ томографа.

Сложив руки за спиной, доктор Грант стоял перед стеной, увешанной светодиодными экранами, и изучал исходные снимки мозга Кэт. Лиза стояла рядом; склонив друг к другу головы, они о чем-то тихо разговаривали.

Тревога Монка росла.

Кэт доставили из округа Колумбия в Плейнсборо, штат Нью-Джерси, на военном вертолете для эвакуации раненых с поля боя. Перелет занял почти девяносто мучительных минут. От каждой волны турбулентности у Монка поднималось давление.

Кэт стойко перенесла транспортировку, однако вскоре после приземления ее состояние ухудшилось. Тело задергалось в эпилептическом припадке, испытывая на прочность шейный воротник. Сопровождающий врач хотел было поставить ей капельницу с валиумом, но Лиза воспротивилась: «Валиум может ухудшить когнитивные функции и снизить шансы на общение».

Она вопросительно посмотрела на Монка, предлагая ему выбор на случай, если он захочет прекратить эксперимент. Тогда Коккалис доверился Лизе, зная, что Кэт хотела бы продолжить выполнение намеченного плана.

И вот они добрались сюда...

Доктор Грант присоединился к специалистам, а Лиза подошла к Монку.

– Мы готовы начинать, – сказала она, пристально глядя на него. – Как ты?

– Давай уже скорее приступим. – Он кивнул на невролога. – О чем вы говорили?

– Джулиана беспокоит мозговое кровообращение Кэт. Ее систолическое давление неустойчиво.

Монк знал, что функциональная томография фиксирует приток кислорода к мозгу. Любая потеря давления может создать помехи для теста.

Лиза попыталась его успокоить.

– Томограф в соседней комнате – один из самых новых и современных. Разрешение до десятых долей миллиметра, что в десять раз лучше, чем в обычном больничном аппарате. А еще...

Монк заметил тревожные нотки в ее голосе.

– Что? Говори.

²⁵ Диагностические режимы томографа.

– По сравнению со снимками, сделанными ранее доктором Эдмондсом, размер травмы мозга увеличился. Незначительно, но все же. Показательно, что место травмы вновь стало кровоточить. Вероятно, из-за скачущего давления во время полета. Или от небольшого припадка.

– То есть ей становится хуже.

Монк, глубоко вздохнув, задержал дыхание.

Я погубил Кэт?

Лиза взяла его за руку.

– Ты же знаешь, она сделала бы именно такой выбор.

Они подошли к рабочей станции. В окне было видно, что у стола с укрытым телом Кэт стоит медсестра. Монк хотел бы тоже находиться рядом и держать жену за руку, однако из-за невероятно мощного магнитного поля, генерируемого устройством, запрещалось размещать поблизости металлические предметы. Включая его протез и наборы микроэлектродов, подключенных к коре мозга.

– Мы готовы, – сказал один из техников.

Доктор Грант кивнул.

– Приступаем.

Томограф включили, и из соседнего помещения донесся гул гигантских электромагнитов. Доктор Грант наклонился к одному из мониторов, на котором появилось серое изображение мозга Кэт.

Невролог, не оглядываясь, заговорил:

– Итак, три ключевых вопроса. Действительно ли пациент в сознании? Услышит ли она нас? И сумеет ли ответить достаточно энергично, чтобы машина могла зафиксировать реакцию?

Монк сглотнул, надеясь, что все три ответа будут утвердительными.

В противном случае я напрасно подверг Кэт риску...

– Давайте посмотрим, слышит ли нас пациент.

Техник наклонился к микрофону, аудиосигнал с которого транслировался на керамические наушники, разработанные специально для общения невролога с пациентом в минимальном сознании. В них шум МРТ был приглушен, а команды говорящего звучали громче.

– Капитан Брайант, – быстро и четко начал техник, – представьте, пожалуйста, что ведете напряженный теннисный поединок. Визуализируйте игру как можно ярче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.